

Бекен ЫБЫРАЙЫМ

ТАЙНА СЛЕДОВ

(Приключения юного следопыта)

Окончание. Начало в № 3–5, 2026.

Глава XXIV

Явилась Куралай. Загадка кинжала. Следящие друг за другом. Что делать Караману теперь?

«Да, таких силачей-громадин одолеть сейчас в доме не получится. Надо придумать какую-нибудь хитрость». Саян подал знак глазами Караману, тот сразу понял и похлопал ресницами в знак согласия. Они вдвоем отошли в сторону, подальше от незваных гостей. Бабушка, клавшая куски мяса в казан на земляном очаге, не обратила на них никакого внимания.

– По-моему, и те, кто потопил буренку в Батпаккаре, и те, кто выкрал Пеструху, – эти трое или же один из них. – Сказав это, Саян внимательно огляделся по сторонам – в опаске, что пожалуется кто-то еще. – Я своими глазами видел, как рыжую лошадь Тулебай пытался загнать в болото. Следы, которые мы с Адильбеком видели в Куйгенжаре, – одного из этих троих. У всех у них одинаковые сапоги. В пустыне Зангар развязал путы нашим лошадям. Он же только что сказал, что хотел бы продать своего каракового коня. Когда исчезли лошади, вы не забыли – приходил кто-то высокий на караковом иноходце. Надо, наверное, незаметно поехать к чабанам и позвать их на помощь. Правда, и у последнего пришельца – Камбара – тоже караковая, скаковая лошадь. И тоже сивохвостая. Тогда чьи же все-таки были те следы? У меня голова кругом идет.

– Я и сам вижу, что лошадь караковая, – Караман надул щеки и сузил глаза, недовольный всезнайством Саяна. – Но с чего ты взял, что она скаковая?

– Потому что их специально готовят для скачек, кокпара, других состязаний. Если бы у них животы едва не достигали земли, как бы они бежали на скорости? А эта лошадь, сразу видно, хорошо подготовлена к скачкам и готова хоть сейчас пуститься напропалую.

– Да, да, ты прав. Как это я сам не подумал, а?! – Караман сморщил нос, словно удивился своей недогадливости. – Может, они пришли рассказать всё начистоту?

– Если они хотели признаться в своих грехах, то почему до сих пор никого из них не было? Мне кажется, что они сговорились. Сообщники они. Иначе зачем бы они приехали в одно и то же время? Сейчас они могут напасть на нас. Если поскачем к чабанам, могут догнать и прирезать. Все скотники, кроме нас, внизу, у подножия. К заснеженным вершинам ближе всех только мы. Те, кто внизу, даже и не узнают, что они сотворили с нами.

– Ох, не знаю. Если у них такие преступные мысли, то зачем помогали при ходе камней?

– Может быть, при народе они хотели показать себя благородными героями. Мы же все так и подумали. А сейчас вот есть неопровержимые доказательства обратного. У всех троих одинаковые сапоги и слепки подошв. Следы прибывшего последним я не различил на траве, но сейчас, возле коновязи на пустыре, его следы ясно отпечатаны, вижу. Они пока не подозревают, что мы их раскусили.

На самом деле им нужен лишь Кертобель. Вот они и хотят, обманом ли, лестью или угрозами получить скакуна. Вот и всё. Все, что они делали до сих пор, – отвлекающий маневр. А вот сейчас они прибыли сюда с истинными намерениями.

– Может, оно и так, я не знаю. Но все твои предположения еще не доказательства.

– Если я сейчас ворвусь домой и выложу им в лицо все их преступления, они не нападут на нас?

Караман пожал плечами:

– Ну-у, мне откуда знать...

– Если Тулебай вернет Кертобеля, как мы должны поступить? Если не отдадим коня по доброй воле, они не убьют нас? Мы же всё равно не участвуем ни в каких скачках, может, лучше отдать им этого коня?

– А что мы потом скажем совхозным начальникам? Разве не заявят: «Мало того, что вы угробили столько овец, теперь и на совхозного коня покусились?!» И накажут по всей строгости социалистического закона. Сам знаешь про отношение Шахана к нам. Пусть их трое. Я не боюсь. – Караман заскрежетал зубами. – Сейчас же выгоню их. Я незаметно вынесу двустволку и заряжу ее тут. Потом ворвусь домой и наставлю на них ружье: «Руки вверх!» А вы с дедом Ахметом свяжете им руки. Они сами полезли, чего нам их жалеть? Сдадим милиции и всё.

Саян не согласился, закачал головой:

– Дед всегда говорит, что человек, пришедший к тебе домой, – гость. Мы должны уважать гостей. Иначе дед заругает. Да и мы не совладаем с ними троими. Если даже успеем застрелить одного, двое легко справятся с нами. Нужно искать другой, более надежный способ.

– И какой же?

Саян задумался. Они долго ломали голову, пока их совместные размышления не прервало натужное кряхтенье грузовой машины. Это совхозный ГАЗ-52 с будкой с истошным гулом карабкался наверх к ним. И Саян, и Караман нескладанно обрадовались. Ведь это давно знакомый им автомагазин. Изредка он заезжает на джайляу к овцеводам, табунщикам и привозит различные продукты на продажу, а иногда вместе с автомагазином приезжает и девушка-библиотекарь, раздает книги на читку.

Тяжело, из последних сил подъехавшая к ним грузовая машина, грохоча, остановилась на голой ложбине недалеко от юрты, и Караман, с загоревшимися от радости глазами, воскликнул:

– О-о-о, книги принесли, книги! Вот Ахмет-ага обрадуется! Наверное, и Куралай приехала! – и как на крыльях полетел вниз. Но через десяток шагов его энтузиазм вдруг иссяк, и он медленными, неохотными шагами повернул назад: – Саянжан, пожалуйста, иди ты, помоги им. Я пойду домой, извещу деда. Хорошо?

Саян понял, что Караман застеснялся, хотел посмеяться над ним, но передумал и, согласно кивнув, побежал к машине.

* * *

– Миленькая, спасибо большое, что принесла книги, что я просил. Отдай бабушеньке своей, пусть положит куда надо. Потом почитаем. А сейчас у нас есть небольшой разговор, – сказал старик девушке, которая присела было на колени возле старушки у правого керега – остова юрты. – Мы потолкуем, пока мясо сварится... Что же,джигиты, очень благодарен вам за ваш такой визит. Есть что еще у вас сказать?

Саян понял, что настало его время:

– Дедушка, я хочу кое-что узнать у старших братьев. Можно спросить?

– А, ну спрашивай.

– Тулебай-ага, зачем вы потопили пегую корову в болоте Батпаккары? Почему хотели и с рыжей лошадьё поступить так же?

Тулебай помолчал, с улыбкой опустив голову:

– Дело это было так. У Акимжана закончилось курево, и он ушел к кому-то за сигаретами. Прошло довольно много времени, он не возвращался. И вдруг, не знаю, что за напасть напала – пегая коровушка из его стада истошно замычала и со всех ног бросилась куда глаза глядят. Мое стадо было несколько дальше. Ни о чем не подозревая, я слез с коня и решил передохнуть, поскольку был уверен, что корова вскоре сама вернется. Не знаю, может, оводы напали на нее или слепни, но только, видимо, они сильно достали ее – пегая корова как с ума сошла, обычно в таких случаях животные теряют разум и бегут куда глаза глядят. Смотрю, она побежала в сторону Батпаккары. Я продолжал сидеть, думая, что она возвратится. Но она пропала из виду. Я заволновался, быстро сел на коня, пустился вскачь и увидел ее – она с громким мычанием бежала вдоль болота, стрелой подняв хвост. Я погнался за ней, чтобы вернуть назад. Вдруг она со всего разбегу повернула прямо в болото. И то ли поскользнулась, то ли наступила на болотную топь, она упала головой вниз и, перевернувшись, бухнулась в болотную жижу.

Много раз слышал, что животное, попавшее в топь Батпаккары, никогда не сможет вырваться оттуда. Но я не мог спокойно смотреть, как скот Акимжана, с которым я работаю вместе, погибает в трясине. Я быстро развязал чумбур и, сложив конец узлом, кинул в сторону буренки. Но попасть сразу на рога коровы не удалось, пришлось бросать снова и снова. Наконец попал, да что толку, чумбур оборвался прямо под рогами. Буренка стала дергаться, крутить головой, пытаться выскочить из болотной топи, и несколько раз окунулась головой в жижу. Видели бы вы, какой страшной выглядит корова в липкой болотной грязи!.. Ее рога – как какие-то черные ветки. Я связал чумбур и кинул снова, но веревка всё соскальзывала с мокрых рогов коровы.

Поскакал назад. Акимжана всё еще не было. Рассказал всё Шахану, который под вечер навестил нас. Он сказал: «Молчи, никому ни слова. Всё равно уже поздно что-либо предпринимать. У него отец сутяжник. Может тебя самого обвинить в гибели коровы. Скажет, что ты специально не стал возвращать убегающую корову. Хотел навредить, иначе как понять, что взрослый мужчина не смог остановить корову?! Может даже сказать, что ты специально загнал корову в болото. Зачем тебе это всё? Лучше молчи. От лишних слов одни беды. К тому же и меня можешь подставить, мол, не проверяю животноводов, не слежу за ними. Я могу ни за что ни про что пострадать, намечающуюся карьеру испортить. Акимжан в крайнем случае одну свою корову отдаст совхозу, и всего делов. Из-за этого не помрет». Пришлось прислушаться к словам Шахана. Но меня до сих пор беспокоит один вопрос. Отчего корова вдруг так себя повела? Случайно это или нет, этого я не знаю.

А рыжую лошадь, ты, мальчик, видел сам – я отгонял ее от болота, чтобы тоже не утонула там. Как-никак эта лошадь была долгое время подо мной. А в тех местах я оказался потому, что проводывал, есть ли там луга, где можно накосить травы. Видел, как вы с дедом уходили на громыхающей телеге на покос, и решил тоже присмотреть себе бесплатный луг.

– Этот кинжал не ваш ли?

Тулебай был поражен: при этом его густые брови задвигались и поднялись высоко над переносицей.

– Да, это был мой, – нерешительно сказал и оглянулся вокруг, словно ожидал чьего-то подтверждения.

Зангар тут же понял его беспокойство:

– Разве этот кинжал не мне достался?! Как он попал на джайляу? – Он с подозрением взглянул на Тулебая: – Кто, кроме вас, мог его занести сюда?!

Но Тулебай быстро взял себя в руки и продолжал спокойно сидеть:

– Я и сам поражен. Я же его тебе отдал! Как я могу его занести сюда?!

Слушающие были изрядно удивлены – в душе каждого вдруг загорелись искры сомнения: «Кто из них говорит правду?.. И кто из них юлит?» Воодушевившись этим, Саян задал следующий вопрос:

– Как один кинжал может принадлежать сразу двоим?!

Тулебай расхохотался:

– Дядя Ахмет, ваш внук настоящий следователь, задает такие вопросы, что и не продыхнуть... Дело вот в чем. Я не хотел это говорить, но, видно, что уже бесполезно что-то скрывать. Когда Зангар пришел ко мне просить Кертобеля, я остался доволен и его воспитанностью, вежливостью, и его богатырским сложением, но коня все-таки не отдал, пожалел.

У Саяна внутри похолодело. «Значит, все преступления совершены одним человеком – Зангаром?!»

Его мысли прервал голос Тулебая:

– Зангар, ты не хочешь ничего сказать?

Зангар помялся, помолчал и взглянул в сторону Куралай, будто стыдился ее. Вроде хотел что-то сказать, но всё, кажется, не решался. Видя его робость, Куралай прокашлялась, словно у нее что-то застряло в горле, и сказала:

– Да, этот кинжал Зангар отдал мне. Попросил: «Пусть, говорит, пока побудет у тебя». Кинжал оставался у меня, в ящичке стола, в ауле. Может, это другой, похожий кинжал?

Тулебай решительно опроверг такое предположение:

– Я его не раз держал в руках, поэтому не ошибаюсь. Не может быть, чтобы это был другой. Может, похожий кинжал и найдется, но этот – в единственном экземпляре. Я это знаю наверняка.

Саян не выдержал:

– Как кинжал из ящичка стола мог попасть на джайляу?

Тулебай задал встречный вопрос:

– Кстати, Саянжан, объясни нам, как он попал в твои руки?

– Я нашел его там, где упала ваша лошадь.

Глаза Тулебая едва не выскочили из орбит:

– Вот те на, никого же рядом не было. Ни одна живая душа не видела, как я ходил в сторону можжевельника и как возвратился оттуда. Я ни сном ни духом не ведал, что ты там следил за мной.

– Я тоже вас там в тот момент не видел, я нашел кинжал на следующий день.

– Хорошо, что нашел. Только удивлен: как ты узнал, что я там был? Но ни я сам, ни моя лошадь не падали, я вернулся целым и невредимым.

– О том, что вы там были, я узнал по вашим следам. Еще про одну вашу тайну расскажу, дядя, не обижайтесь. Знаю, что вы приезжали и осматривали наших лошадей, когда мы гнали отару на джайляу. Знаю также, что вы ушли, не развязав путы наших лошадей.

Тулебай, похоже, почувствовал стыд – его темно-серое лицо запылало едва заметной рдяной краской:

– Как это ты узнал? По следам?

– Да.

– Вот уж чудеса, а! Дядя Ахмет, ваш помощник-внук прямо-таки гений!

Ахмет повеселел, заулыбался и погладил усы кончиком большого пальца:

– Да уж, но мне кажется, что он не всё еще сказал, что знает. Давайте же послушаем, не будем прерывать его.

Саян осмелел и заговорил решительнее:

– Кинжал, который изготовил учитель Мырзабек, вам дал Шахан. Но вы не выполнили ни одно из его заданий...

– О Аллах! Я понимаю, ты дошел своим умом, что кинжал Шахану дал Мырзабек, а тот вручил его мне. Но откуда ты знаешь, какие задания он мне давал?!

– Если Шахан вам не поручал, вы бы не пришли за нами в голую пустыню, а позднее не отделили от стада шестнадцать наших овец и не загнали их в непроходимую чащобу!..

Все сидящие, начиная от Ахмета, вдруг нахмурились, едва сдерживая нараставший в их душах гнев. Тулебай, вспомнив слова Начальника-Владыки, насутился и стал молча рассматривать свои сапоги. И лишь про себя произнес: «Слава Аллаху, что ни одно из его поручений я не успел выполнить!»

– Продолжай, дорогой, я потом отвечу на все твои вопросы, – сказал он, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие...

– Вы очень хороший человек, дядя. Ни одно задание вы не выполнили, вернулись назад. Я заметил следы за овцами, которые поперли от ливня в арчовник. Следы Кертобеля я давно знаю, выучил. Знаю также, как вы ходили, как вы ломали голову, не зная, что делать, и как вернулись домой, почувствовав угрызения совести.

Тулебай невольно усмехнулся:

– Удивляюсь, что ты узнал про мой стыд, и не могу в это поверить.

– Лошадь, идущая по своей воле, оставляет ровные следы. А вы то отпускали вожжи, то дергали и совсем запутали Кертобеля. То, что он часто поворачивал в стороны, медлил, топтался на месте – всё это как исповедь лошади, написанная ее следами.

Тулебай согласно закивал и с чистой душой подтвердил слова мальчика:

– Вот эта да-а! Миленький, всё правда, нет ни одного лишнего слова. Всё так и было, как ты говоришь. Но что было дальше?..

– Вы увидели меня, когда я пытался вернуть овец в загон. Подумали, что я и сам смогу справиться. К тому же ваше собственное стадо оставалось без присмотра, и вы поспешно удалились.

– Ух, ты прямо меня в пот вогнал, обо всем, что я пытался скрыть, рассказал, изблещил меня во всех грехах. Что же, за это очень благодарен тебе. Ведь я и сам пришел сюда, чтобы во всем признаться, да не знал, как повиниться, с чего начать. Хорошо, что ты за меня всё выложил. Прямо большой груз с моих плеч снял, – Тулебай от стыда изрядно вспотел и стал часто вытирать лицо помятым зеленым ситцевым платком.

– Так кто из них наших овец волкам на съедение отдал? Говори уж об этом быстрее, – нетерпеливо вскричал Караман. – А я-то себя всё это время винил. Рассказывай всю правду, пока эти не уехали.

– Не знаю, планировал ли человек на караковом иноходце отделить шестнадцать овец от отары, но он, не знаю зачем, всё это время издали наблюдал за Тулебаем-ага, приехавшем на Кертобеле. Долгое время неотступно следовал за ним, оставаясь незаметным. Караковая лошадь часто меняла направление движения, то ступала влево, то вправо. По ее беспорядочным следам я понял, что лошадь против своей воли подчинялась наезднику. Предполагаю, что на сивохвостом караковом иноходце восседал дядя Камбар. А уж за ним следовал на быстром подкованном караковом же скакуне дядя Зангар. А за ним издали следовал другой всадник на иноходце с такими же подковами. Я его следы едва различил, пришлось возвращаться на то место не раз, долго изучать. Но кто он – я так и не понял... И последняя лошадь, возможно, была караковым иноходцем. Зангар-ага только что ведь говорил о человеке, обещавшем ему большие деньги. Он, кстати, говорил и о том, что «покупал караковую лошадь и стригунка». Значит, кобыла и стригунок выросли и стали иноходцем или скакуном караковой масти.

Караман недоверчиво крикнул и саркастически произнес «ехе-хе», приподняв брови:

– Это что получается, что все караковые лошади пожаловали к нам?... Значит, тот «некто», которого ты не определил, тоже приехал на караковом. А кстати, стригунок... Зангар-ага, сколько лет прошло с тех пор, как тот человек купил кобылу и стригунка? Не помните?

– Почему не помню?... Целых пять лет прошло уже.

– О-о, значит, стригунок уже пятилетка по меньшей мере. Значит, он тоже тут был, зачем же он будет отставать от «родственников»?! – Караман громко расхохотался, однако, не дождавшись, что другие поддержат его и несколько устыдившись, поторопился задать свой следующий вопрос: – К тому же, Саян, дорогой, Камбар этих мест совсем не знает, как он мог оказаться тут?

– Следовал за Тулебаем-ага. Держался далеко, чтобы не попасться на глаза, но из виду не упускал.

Ахмет был удивлен и даже несколько испуган и погладил внука по волосам:

– Странно, какого же рожна они следили друг за другом?! Миленький, ты, наверное, ошибаешься. Откуда ты знаешь, какая из лошадей была иноходцем, какая скакуном и что все они были караковые?

– Нет, деда, я не ошибаюсь. Я незаметно для вас несколько раз ездил туда и хорошо изучил все следы. Иноходец одновременно переставляет ноги с одной стороны и оставляет частые следы, словно танцует. Про то, что лошадь караковой масти, я узнал по оставшимся на ветках арчи и шиповника редким волосинкам хвоста. Самое интересное – и Кертобель, и караковый скакун, и караковый иноходец – все рождены от одной матери.

Караман не усидел на месте, задвигался, рассмеялся и, громко хлопнув в ладоши, воскликнул:

– Ты что, стоял рядом, когда они родились? Ахмет-ага, вы же знаете, мальчики гораздо на выдумки. Дорогие гости, вы тоже не придавайте большого значения его рассказам.

Его слова встретили с улыбкой и Тулебай, и Зангар с Камбаром, но все трое не согласились с Караманом:

– Пусть, пусть говорит, дослушаем до конца.

– Вот мои доказательства: во-первых, все три лошади сивохвостые. Потом, по-моему, Кертобель и караковый иноходец старше по возрасту. Во-вторых, все три лошади очень умные. Такие умные животные, конечно, не рассказывают человеку, как они о чем-то догадываются. Но они определенно чувствуют родство. Караковый скакун часто порывался к караковому иноходцу, в таких случаях следы между ними удлинялись. Но Зангар-ага осаживал коня и не давал ему свободы. Поскольку иноходец-скакун впереди часто оглядывался назад, его следы ложились неровно – с одной стороны они отпечатывались глубже. Если бы они были чужие друг другу, то они не отвлекались бы и перемещались быстрее, оставляя ровные, ясные следы.

И трое здоровяков, и хозяева дома слушали Саяна затаив дыхание, с неподдельным интересом. Лишь Караману не сиделось спокойно:

– Так кто же все-таки отделил от отары овец, скажи уж быстрее об этом.

– Сейчас скажу. Не знаю, что Камбар-ага искал, но он долго крутился возле отары. Двое волков, караулившие овец, не отходили от отары далеко, но боясь Камбара, прятались то в зарослях шиповника, то в арчовнике. Но поскольку густой туман не давал возможности увидеть то, что он искал, дядя Камбар-ага ретировался. В это время волки осторожно высунулись из можжевельниковой чащобы. Они долго ходили, кружась возле отары. Камбар-ага стал возвращаться назад, но, пожалев отделившихся от отары овец, хотел загнать их в отару, однако не знал, в какую сторону их направлять. Тут караковый почуял, видать,

волков, прыгнул вбок и, поскользнувшись, едва не упал на правую сторону. Потом Камбар-ага уехал.

Караман, считавший себя виновным в гибели овец и весьма печалившийся по этому поводу, снова встрял в разговор:

– Эй, Саян, ты говоришь так, будто с теми волками рядом находился!.. Откуда ты всё это выведал? Разве овцы сами по себе отделятся от отары, если только кто-то их не погнал в сторону?! Ты так заливаешь, будто в кино всё видел. А если всё знаешь, так скажи, кто овец загнал в арчовник, не темни!..

Ахмет, сидевший нахмурившись, с задумчивым видом, с досадой взглянул на своего молодого помощника:

– Успокойся, помолчи. Дослушаем до конца.

– Мне всё рассказали, – выпалил Саян.

Караман невольно вздрогнул и сглотнул слюну, и вид настороженного парня, похожего на готового взлететь ястреба, невольно привлек внимание сидящих.

– Кто?! Кто тебе рассказал? Когда?

– Когда мы втроем: вы, дед и я – пошли к погибшим овцам и стали прибирать останки, я, оказывается, на многое не обратил внимания. Потом я сам, один, сходил туда и рассмотрел всё внимательнее. Дождь немного смыл следы, но всё же ясно виднелись глубокие отпечатки копыт лошадей, места, где волки скрывались и наблюдали за овцами, следы того, как волки во всю прыть гнались за десятком овец, которые пытались скрыться от града и ушли в сторону от отары – всё это виделось достаточно определенно. Они, эти следы, всё мне и рассказали.

Караман, который сидел, опершись спиной об остов юрты, вдруг сник головой, подбородок его едва не задевал грудь, и он тяжело произнес:

– Жаль, я-то думал, по-иному всё было. Теперь всё мне ясно. Я беру на себя всю вину.

Посочувствовав молодому парню, который часто заморгал глазами, скривив толстые губы, Ахмет попытался его успокоить:

– Перестань, Караман, голубчик, ты не один виноват. Не мучайся так. Чего ты взмок без дождя? Не к лицу джигиту так раскисать!..

Пристыженный и задетый за живое словами старика, Караман приподнял голову, выпрямил осанку и спросил, словно надеялся на какую-то хорошую подробность для себя:

– Что-нибудь еще скажешь?

– Да, скажу. – Саян уже перестал сомневаться и решил выложить всю правду начистоту. Никто из трех великанов не выдал беспокойства – слушают спокойно, хотя и не сводят с него глаз, будто чувствуют некую опасность с его стороны. «Выходит, я должен безоговорочно доказать их вину, сами они не хотят ни в чем признаваться? А если я докажу их вину, они устыдятся или поднимут бучу? Ни один из них не слабак, и справиться будет нелегко. Но лучше, наверное, если правда вылезет наружу сейчас, а не потом, когда кто-нибудь из них пойдет под суд. Может, тогда мы найдем общий язык и помиримся». Придя к этой мысли, Саян несколько замешкался, размышляя, с чего лучше начать.

Ахмет слегка похлопал его по спине:

– А есть ли смысл рассказывать всё? Может, не стоит выкладывать сейчас всю правду?

– Дядя, разрешите ему рассказать всё, что он знает. Я весьма поражен умом мальчика. Он очень наблюдателен и за пояс заткнет любого взрослого в умении сопоставлять факты. Позвольте нам послушать его до конца, – попросил Тулебай.

– Пусть говорит, пожалуйста. Мне тоже не терпится всё узнать. Я хоть и старше его, но есть много вещей, которых я пока не понимаю и хочу его расспросить, – поддержал Тулебая и Камбар, загадочно улыбнувшись. – Судя по словам

мальчика, он всё рассудил по следам. Но следы копыт очень схожи, отличить их очень трудно. Он сейчас сказал, что Кертобель и две караковые лошади – родственники, с этим можно согласиться. Может, и на самом деле так. Но что в этом особенного?!

Саян не хотел отступать от своего мнения:

– По-моему, это совершенно ясно.

– Хорошо, согласен с этим. Но как ты различаешь их следы? У них копыта разного размера? Или смотришь на подковы?

– Быстрый караковый скакун под дядей Зангаром – лучше, свободнее других скачет вниз, потому что у него перед высокий. И когда он движется вниз, то передние следы оставляет глубокие, ровные по краям. К тому же он не подкован. Расстояния между следами одинаковые. А караковый иноходец оставляет рваные следы с короткими расстояниями: не уверен в себе, ступает копытами то свободно, то поскользывается, и отпечатки подков остаются более глубокими. Вы, дядя Камбар, приехали на скаковом караковом иноходце в полупустыню и развязали путы у наших лошадей, потом увели их на некоторое расстояние от нас и там и оставили. Мы быстро их нашли. Но вы пришли снова, во второй раз. Однако, услышав в воздухе звуки плачущего ребенка, насторожились. Вы не красноглазого дьявола испугались, нет. Вы подумали, что кто-то следит за вами, и убежали. Ведь вы сильный, богатырского сложения мужчина. И легко одолеете любого противника. Если бы сам дьявол встретился вам, вы бы открыли ему голову. Но вы почему-то засомневались, чего-то остерегались. Я думаю, что вам было жалко тратить время на никчемную схватку. Думали и беспокоились о чем-то другом. Только вы сами знаете, о чем.

Глубокие и без того большие глаза Камбара расширились до предела:

– Вот это да! Ты про всё знаешь. И вправду – мне было отчего сомневаться и чего опасаться. Недавний каменный сход прояснил мое затуманенное сознание. До сих пор я, оказывается, видел только то, что стояло перед глазами. Долго рассказывать, но я всё же разъясню. Скажу главное. Некоторое время назад, а вернее много лет назад, на летнем пастбище мои родители на «Москвиче» спустились вниз кружным путем урочища Рябой конь и, попав под страшный ливень, нечаянно упали с высокого обрыва. Близкие моих родителей сдали меня, осиротевшего, в детский дом. И в один день некий мужчина по имени Манас навестил детский дом, где я воспитывался. «Сын казаха – это сын киргиза! Сын киргиза – это сын казаха!» – сказал он и среди многих мальчиков выбрал меня и увез с собой. Выбрал он меня потому, видимо, что несмотря на свой возраст, я был крупнее, выше других своих сверстников. А взял именно казаха, а не киргиза потому, что боялся, как бы в будущем не объявились настоящие родственники ребенка. Ведь родичи казахского мальчика вряд ли смогут его найти. Всё это я узнал, когда мне исполнилось восемнадцать лет. Мой приемный отец как на духу рассказал мою историю. «Сынок, ради тебя я готов душу отдать. Не хочу уйти из жизни с грехом на душе. Ты – из казахского рода. А я, кто тебя с малых лет приютил и воспитал, – киргиз. Если решишь оставить меня и вернуться на свою родину, я не буду против», – сказал он со слезами на глазах. «Мой отец – вы. Всю жизнь пронесу вас на руках», – поклялся я. А в родные края прибыл и от тоски, и по необходимости.

– Это ты так затосковал по родине? Разве так возвращаются к отчей земле? – сурово уставился на джигита Зангар.

– Я и сам готов провалиться сквозь землю. Я пришел, потому что не хотел смерти своего отца, Манаса. Он тяжело заболел. Его лечил один знаменитый лекарь, и отец стал понемногу выздоравливать. Я лекарю сказал: «Если вылечите отца, отдам всё, что только пожелаете!» Он посмеялся, сказал: «Вyleчу. Сделаю всё, что в моих силах. У твоего отца в молодости была, оказывается, замечатель-

ная скаковая лошадь. А тот красивый иноходец, на котором ты едешь, его отец в свое время купил у казахов. На иноходце я покатался в свое время. Теперь хотелось бы порезвиться на настоящем скакуне. Разве тот киргиз, кто не любит лошадь?! Если б ты смог найти мне такого скакуна, который будет быстрее всех киргизских лошадей, я буду очень доволен. Мне бы на таком аргамаке только месяц покататься – вот мечта, что гложет мою душу с давних пор. Годы мои на исходе, один бог знает, сколько мне осталось. Всю свою жизнь я посвятил врачеванию. Много людей по гроб жизни благодарны мне. Бог даст, и твой отец выздоровеет. Я ему поручил строго соблюдать предписания, беречься по мере возможности. А я то ли устал, то ли состарился, хочу немного отдохнуть. Мне за граница даром не нужна. Нет ничего лучше и краше своей отчизны, моей родной страны...

Да, сыночек, я давно мечтаю об одном – мчаться на летучем скакуне и вволю насладиться его невиданной скоростью. Вижу, ты красив, умен, богатырской стати, думаю, что только такой джигит, как ты, может исполнить мою мечту, найти лучшего в стране аргамака. Но если даже не сможешь, обиды с моей стороны не будет. Я восхищен и очень доволен тем, как ты заботишься и ухаживаешь за отцом – как за малым дитем. Даже расчувствовался и слезы на глаза навернулись. Пусть каждый сын будет таким, как ты. Ты молод, но я счел возможным поделиться именно с тобой своими заветными мыслями. Если улыбнется тебе удача и найдешь такого скакуна, я верну его тебе через месяц. Даже могу заплатить за него», – сказал он мне. «Дорогой дядя, денег не нужно. Я найду вам такого коня, исполню вашу мечту!» – пообещал я ему и стал расспрашивать всех, кто что-то понимает в скаковых лошадях. Посмотрел на многих коней. Но когда увидел Кертобеля, о котором мало кто знал, но который в будущем непременно станет самым лучшим аргамаком, я лишился сна. Теперь, наверное, понимаете, какие чувства я испытывал тогда, и почему медлил, и почему меня одолевали сомнения. Я узнал у людей, что этого коня хозяин ни продать, ни обменять не согласен, и все разговоры об этом – пустая затея.

Долго думал и в конце концов пришел к решению украсть Кертобеля на время. Полагал, если развяжу тренogi у лошадей, хозяева не найдут их ночью, а если ускачу на Кертобеле, никто и не догонит. Пришел с намерением забрать коня, но вернуть через месяц хозяину и уплатить за свой проступок штраф с избытком. У меня и в мыслях не было выкрасть и присвоить лошадь себе. Если бы я знал, что скакун теперь у Тулебая, я бы ни за что не пришел сюда. Но когда я наведался ночью, то увидел, что Кертобеля нет там, где я его ожидал увидеть... Треног с лошадей я не снимал и никуда их не отгонял. Об этом я только сейчас узнал из уст этого мальчика и очень удивлен. Кто это мог сделать, кто это блажит?!

Я долго вертелся и крутился там, и в конце концов вернулся назад. Порасспросив еще, узнал, что Кертобель не у вас, а у дяди Тулебая. Узнал, что и он скакуна никому не отдаст. Что же делать, я был в унынии, но от своей затеи не отказался. В день, когда окрестности накрыл густой туман, я был готов увести Кертобеля. Имя хозяина я узнал на том кокпаре, дядя Тулебай в тот день ни на минуту не слез с коня. Что меня поразило: некий богатырского сложения мужчина неотрывно следил за ним, мало того, он не сводил глаз и с меня, наблюдая за каждым шагом, каждым моим движением. Я не подал виду, что заметил это, но краем глаза, издали, тоже наблюдал за ним. А по твоим словам выходит, что и кроме него кое-кто выслеживал мои шаги. Но, к сожалению, в конце концов я их всех упустил из виду. А теперь вот ломаю голову – так кто за кем следил и кто на кого охотился?!

А потом история с каменным сходом заставила меня облагоразумиться. Дядя Ахмет, вы – настоящий герой. Самым первым рискнули жизнью вы! Я по-

разился и был восхищен действиями и Саяна, и Тулебая-ага, и Зангар-ага. От людей узнал, что вы понесли потери от волков и нуждаетесь в содействии. И я пришел, чтобы оказать вам посильную помощь. Не сомневаюсь, что найдутся люди, готовые отдать за моего скакуна-иноходца, непременного победителя скачек, целый табун лошадей. Если нуждаетесь в средствах, я оставляю его вам здесь и уйду пешком. И всё же о Кертобеле я хотел бы попозже переговорить с дядей Тулебаем с глазу на глаз.

Да, кстати, что это за младенец, который был на кунане-двухлетке и всё время плакал?! Что за красная голова, кроваво-красные горящие глаза и торчащие оттуда рога?! Кто-нибудь знает, что там была за чертовщина? Или мне всё это привиделось и послышалось от волнения?! Хотя на самом деле я и не пугался! – При этих словах Камбар, зардевшись, улыбнулся, лицо его просветлело и мягко зарумянилось. – Хотел схватить я этого дьявола на коне и вздуть как следует, да поостерегся.

– Кого, черта?! – встрепенулся Зангар.

– Да нет. Чего это я, джигит, черта испугаюсь?! Когда караковый подо мной повернул голову в темноту и запрядал ушами, я почувствовал, что за мной кто-то следит.

Никто не спросил: «Кто это следил за тобой?» Каждый из слушающих подумал, похоже, что джигиту всё это показалось из-за охватившего его в темноте волнения.

Ахмет посмотрел на Карамана, Караман на Саяна. Саян прыснул со смеху:

– Всё это – моих рук творения. Я взял высушенную шкуру козы, с четырех концов крепко завязал тесьмой из сыромятины. Той же тесьмой укрепил ее на подпруге. С одного конца я наполнил шкуру травой полыни, округлил ее, чтобы она стала похожей на конскую голову, и обернул тонким красным сатиновым платком. Посередине закрепил фонарик, так, чтобы он не болтался. Затем обернул веревкой звуковое устройство, которое я захватил с собой из аула, и тоже укрепил его на подбрюшнике. Это устройство я вытащил из валявшейся во дворе старой куклы. Если ее положить горизонтально, оно издает детский плач. Временами отдыхает, набирается сил. Сделал на платочке в двух местах дырки и установил в них сайгачьи рога.

Сидящие дружно засмеялись, и только Куралай опустила глаза dolu и тихо прыснула.

– Ладно, это вы потом можете сами увидеть, наверное. Кажется, уже и мясо сварилось. Что же, завершим на этом наш затянувшийся разговор? – спросил Ахмет, оглядев присутствующих. Никто не стал возражать подобревшему лицом старику, все промолчали.

– Дядя, я хотел бы кое-что добавить, – нарушил молчание Зангар.

– Еще?! Что ты хочешь сказать? Говори, только быстрее.

– Хочу всё выложить сам, пока и меня этот мальчик не возьмет за рога и не пристыдит прилюдно! – заявил Зангар, повысив голос и едва не оглушив сидящих. Затем, прикусив нижнюю губу, помедлил, словно набираясь храбрости, и заговорил: – Не буду попусту тратить время, скажу главное. Кертобель и меня заинтересовал. Узнав, что не смогу ни выпросить, ни купить его, я задумал его выкрасить. Но перед этим решил всё же высказать просьбу Акимжану. По разговору с ним я понял, что это бесполезно – Акимжан даже слушать не захотел. И стал я думать, как мне уладить это дело. Узнал у людей, что у него есть племенная корова, цены невероятной, которую он ценит не меньше любого скакуна. Решил спрятать ее где-нибудь в ущелье, а ночью увести. А через несколько дней привести ее обратно к хозяину и таким образом заслужить его снисхождение и найти общий язык. Может, после этого он продаст мне Кертобеля, если сойдемся в цене, или обменяет на другую лошадь.

А Кертобель мне нужен был для того, чтобы выставить его на скачки и заработать хорошие деньги, этого не буду скрывать. А для чего мне нужны были деньги – этого я никому не скажу. Если решите отдать меня под суд, ради бога, я перед вами. Готов ко всему. За то, что натворил, готов понести справедливое наказание.

Но меня удивляет одно обстоятельство. Когда ночью я пришел за коровой в ущелье, я не нашел ее там, куда давеча привязал крепко толстой алюминиевой проволокой. Сначала подумал, что она отвязалась, но не было ни железного кола, за который я ее примотал, ни самой проволоки. Честно сказать, я несколько запаниковал. Значит, кто-то видел, что я спрятал корову в этом закутке, иначе как бы ее нашли глухой ночью? И как увели ее? Как мне найти теперь, кто ее увел? Получается, что я вдруг стал самым настоящим скотокрадом? Я сильно пожалел о том, что натворил. Теперь остается лишь признать вину и покаяться?.. На завтра до полудня я все думал-размышлял, а потом пришлось явиться перед Акимжан-ага и рассказать ему, что был вынужден выкрасть его дорогую корову.

Акимжан-ага поначалу смотрел на меня с пренебрежением, а потом расхохотался:

– Хорошо, если бы все воры были такими, как ты. Никогда в жизни не приходилось видеть вора, который что-то украл, а потом явился к пострадавшему с предложением оплатить потерю. Эх, братишка, вырос до потолка, а с ребячеством, видать, не распрощался. Если все еще питаешь надежду на Кертобеля, то знай – управляющий заставил меня отдать его Тулебаю. Говори с ним. А Пеструха, оказывается, отстала от стада на выпасе – слава богу, сын ее нашел поздно вечером и привел домой.

– А ваш сын не рассказал, как ее нашел?

– А чего мне это спрашивать? Я был уставший, заснул.

Не зная, верить или не верить, я поехал к Тулебай-ага. Не скрыв, что из-за Кертобеля попал в такую историю. Тулебай-ага посмеялся и сказал:

– Прав Акимжан, хорошо, если все воры будут такими, как ты. Чувствуется, что в душе ты всё еще ребенок. Разве нет скакуна, кроме Кертобеля? Оглянись вокруг. Может, такого и не найдешь, но наверняка есть лошади, которые могут составить ему конкуренцию. Я весьма доволен тем, что ты рассказал всю правду и признал вину. Но, братишка, не обижайся на меня. Я не могу пока отдать тебе Кертобеля. Причину, может, узнаешь потом. Но не хочу, чтобы ты ушел от меня с обидой. Возьми вот этот кинжал в подарок, будешь потом вспоминать меня с благодарностью, а не с обидой. Бери, не стесняйся. Оу, это что ты денежку вытащил? Зачем суешь мне рубль?

– А ты знаешь, что человеку, которого уважаешь, оружие не дарят, а продают за символическую цену?..

– Это хорошо, что ты знаешь традиции. Говорят: «Не тот щедр, кто дает, а тот щедр, кто берет», – с этими словами Тулебай-ага вручил мне этот самый кинжал. Я уже говорил, что оставлял его в ауле. Но не могу взять в толк, как он оказался на джайляу, – закончил он и краем глаза вопросительно взглянул на Куралай, будто ожидал, что она что-то прояснит.

Но девушка сидела безмятежно и не собиралась вступать в разговор. Зангар был растерян и вдруг, вспомнив про корову, усмехнулся:

– Саян, ты молодец. Если бы ты не нашел буренку и не отвел ее домой, я бы совсем опозорился. Спасибо, дорогой!

Саян не смог скрыть смущения:

– Дядя, виноваты мы двое – я и Адильбек. Мы ломали голову, но не смогли понять, что вы задумали. И чтобы напугать вас, мы стали играть лучами фонарика, перед этим заложили спичечные головки, измельчив их, между болтом и

гайкой и, ударяя железки друг о друга, начали бабахать – получилось похоже на выстрелы из ружья. Вы, наверное, не забыли, что наспех бросили корову и убежали – про это мы с Адильбеком знаем.

Зангар от удивления захлопал глазами:

– Нет, дорогой, я там никаких лучей фонарика не видел и звуков выстрелов не слышал. Поскольку коровы не оказалось на месте, я удивился и убрался отсюда. Почему так получилось, я до сих пор не понимаю. Или ты решил пошутить над дядей? Может, хочешь сбить меня с толку и оговорить?

Саян не нашелся, что ответить. Никто ни в чем не хотел признаваться. И следов стыда или растерянности на их лицах тоже не заметно. «Или они вдвоем решили заморочить мне голову, приняв за несмышленища?! И такое возможно».

Вдруг Куралай тихо подняла голову и подала голос:

– Если позволите, уважаемые, я поясню кое-что. Здесь виноват не Зангар, вина на мне. Это было тайной между нами, и я от души благодарю Зангара. Он сдержал слово и никому наш секрет не выдал. Но сегодня, похоже, придется раскрыть все тайны. Мы с Зангаром хотели стать семьей. Я пошутила: «Как ты женишься на мне, ведь у тебя ни двора, ни кола, ни хотя бы хорошей лошади нет, с которой можно было бы участвовать на скачках и выигрывать призы». Он ничего тогда не ответил, смолчал. Я просто хотела разбудить в нем честолюбие, думала, мои слова подтолкнут его стать более предприимчивым и практичным. Но у меня и в мыслях не было, что он может пойти на воровство. И сейчас я горько сожалею о своих словах. Всё, о чем он рассказал, он сделал ради меня. Я не учла, что нельзя задевать честь и достоинство мужчины. Ахмет-ага, не подавайте на него в суд, очень прошу. Мы вдвоем расплатимся как-нибудь с вами, восполним ваши все потери... – Куралай не смогла продолжать. Ее нежные, цвета алой розы, тонкие губы задрожали, и из иссиня-черных глаз едва не хлынули слезы.

Ахмет заерзал на месте и, прокашлявшись, сказал:

– Не надо, миленькая, не плачь. О том, чтобы подавать в суд на кого-то – нет разговора, такое нам и в голову не приходило.

Куралай достала из маленькой сумочки снежно-белый платочек с рисунком красных роз и вытерла слезы, повисшие на нежных, шелковистых ресницах:

– Еще вот что... перед поездкой сюда я несколько задержалась, подбирая книги для джайляу. Было время обеденного перерыва. Зашел мужчина в белом войлочном колпаке с разрезами. Я поздоровалась. «Доченька, я в этом ауле никого не знаю, – обратился он ко мне. – Очень устал я, миленькая. Не найдется ли чай?» Напившись чаю и узнав, что я собираюсь на джайляу, он высказал просьбу: «Уже несколько дней, как мой единственный сын пропал без вести. Мой лекарь признался мне: “Я попросил его найти мне быстрого скакуна, равного которому у киргизов нет. Хотел хотя бы месяц насладиться ездой на таком аргамаке, а потом бы вернул в целости и сохранности. Боюсь, что Камбар ушел на поиски такого коня. Сейчас я очень сожалею, что высказал ему такую просьбу. Скорее всего, думаю, он ушел к казахам. Дай-то бог, чтобы вернулся здоровым”. Когда я услышал эти слова моего лекаря, который, в сущности, спас меня от смерти, моя душа ушла в пятки. “Лучше мне самому умереть, чем мой единственный сын попадет в беду. Не нужно мне твоего лечения!” – вскипел я и, наскоро собравшись, перевалил через Алатау и двинул в сторону Ушконира. Порасспросив встречаемых и поперечных, добрался наконец до этих мест. Узнал, что есть в здешних краях легендарный скакун Кертобель. Знающие люди мне сказали, что он, скорее всего, в поисках этого самого Кертобеля. По их указаниям я тут и оказался, дочка. А сейчас... ноги уже не несут. Забраться на те высокие холмы, на джайляу, у меня уже сил не хватит, ослаб я совсем. Вижу, ты готовишься в дорогу туда, так Расскажи

там, миленькая, что я ишу сына, беспокоюсь за него и затосковал по нему. Оказавшись тут, на священной казахской земле, я многое передумал. Помню, казахи говорят: “Разве бог не услышит шепота?” Знаю, что рано или поздно раскроются самые сокровенные тайны... Когда я снова увижу своего сына? Если вдруг со мной случится непоправимое... многое ведь останется неясно для него. Дочка, запомни то, что я тебе сейчас скажу. Конечно, если буду жив-здоров, эту тайну я раскрою сыну сам. Но я решил, что более скрывать не имею права, потому хочу поделиться с тобой – в надежде, что передашь другим. Я не хочу скрывать истину ни перед богом, ни перед людьми. Кто знает, когда я уйду по безвозвратному пути. Так что, слушай... Сына я взял из детского дома, когда ему был всего год. Их было двое братьев. Через два месяца я вернулся в детский дом с мыслью забрать к себе и старшего. Подумал, что это грех – разлучать родных братьев. Да и вдвоем им легче было бы играть и расти. Но его, оказалось, перевели в другой детский дом. Я долго искал его, обошел много учреждений, но всё равно не обнаружил следов. Очень я жалел, сердце кровью обливалось, что я таки разлучил кровных братьев. Но что делать?... Так сложилось... Того мальчика звали Зангар – имя, созвучное имени его братишки. Он тоже был крупного сложения. Если не путаю, фамилия у него была Аскарулы...»

Услышав эти слова, Зангар резко изменился в лице, словно его ударило током, вскочил на ноги, и тут же ему навстречу поднялся с горящими глазами Камбар.

– Брат мой! Неужели это ты?! Ох, мой родненький, неужели ты нашелся наконец?! Значит, жив, жив! Верить мне или не верить?! Теперь я готов хоть сейчас умереть, моя заветная мечта исполнилась! – с этими словами Зангар раскрыл объятия, его глаза наполнились жгучими слезами.

– Брат, значит, вы живой?! Значит, вы есть на этом белом свете?! – Камбар, широко раскрыв объятия, кинулся навстречу родному брату.

У Куралай полились слезы радости, и она, утирая мокрые глаза снежно-белым платочком, вдруг заявила:

– Теперь я могу рассказать и последнюю тайну, никого не страшась.

Все, начиная с Ахмета, пораженно оглянулись на нее.

– Кого ты страшишься?

– Чего боишься?! Ничего не бойся! – тут же раздались ободряющие голоса.

Куралай была восхищена и в то же время чрезвычайно растрогана тем, что дюжие, богатырского сложения джигиты расчувствовались от неожиданного известия, но при этом стараются сохранить при людях выдержку и невозмутимое выражение лиц, и теперь она сама пыталась не слишком поддаваться чувствам. Тем не менее, от волнения ее тонкое шелковое платье вдруг едва заметно встрепнулось, словно по ее грациозной, стройной фигуре пробежал изумительной легкости волшебный ветерок. И она, преодолев первоначальный страх и прервав тихое всхлипывание, решила, видимо, как на духу выложить всю правду:

– Теперь никто не сможет убить Зангара... я так рада... Рада, что он обрел своего брата Камбара, такого же крепкого, как он сам.

Зангар, освободившись от объятий родного братишки, с удивлением оглянулся на девушку, словно вопрошая: «Не ослышался ли я?!» и хотел что-то спросить у нее, но решил, кажется, подождать, пока она придет в себя.

Все собравшиеся не без тревоги почувствовали, что в словах Куралай таится некая интригующая тайна, и с молчаливым нетерпением стали ожидать ее признания. И только старик Ахмет, подняв брови кверху, высказал свое авторитетное мнение:

– Не надо, милая, не говори таких слов. Мы все только давеча едва спаслись от верной смерти. Слава Аллаху. Всем урок – надо быть осторожным во всякое время, иначе можно пострадать на ровном месте. Не дай бог...

Но побледневшая Куралай всё еще оставалась удрученной.

– Я всё это время... уже год, как скрывала это от всех...

– Почему ты это скрывала от меня, Куралай?! Ты должна была в первую очередь сразу рассказать мне... Почему сейчас... и здесь?! – Зангар не мог ни обидеться, ни рассердиться на девушку и от отчаяния не знал, что делать, что сказать. Его густые брови сошлись на переносице, и под ними сверкали не черные глаза, а полыхающий уголек отчаяния.

Ахмет, поняв, что все присутствующие молчат в ожидании раскрытия некоей чудной тайны и не могут ни произнести слова одобрения, ни призвать к спокойствию, постарался сохранить выдержку:

– Не спеши, доченька, и не волнуйся. Если не хочешь приберечь эту тайну, можешь и рассказать. Если решишь, что ненароком выдашь свои сокровенные секреты, можешь ничего не говорить. Не мучайся, ничего не рассказывай, пусть тайна так и останется за семью печатями.

Куралай молча покачала головой:

– Мне кажется, что я должна всё рассказать. Если не скажу сейчас, то может быть поздно. Можем пожалеть.

Ахмет смолк, размышляя, как поступить, и краем глаза испытующе прошелся по лицу девушки. Увидев, что девушка настроена решительно, одобряюще кивнул головой:

– Нам сейчас спешить некуда, джигиты. Давайте послушаем ее. Соберемся ли вот так еще раз, неизвестно. Сначала внимательно слушаем девушку и не будем спешить с выводами, постараемся вникнуть в самую суть ее рассказа.

Куралай глубоко вздохнула и, распрямив скомканный платочек в руках, сложила его вчетверо:

– Чувствую, что сейчас самое время выложить всю правду. Если бы я рассказала об этом раньше, мог погибнуть человек. Но я не могла допустить, чтобы Зангар пострадал. Не могу... Упаси боже от этого... – с дрожью в голосе призналась она и замолчала, стараясь справиться с нахлынувшими слезами, закрыла лицо платком.

Глава XXV

Рассказ Куралай. Черный амбал. Загадка четырех сапог.

По широкой безлюдной улице, высоко поднимая за собой клубящуюся рыхлую пыль, ехал широкоплечий мужчина, с усмешкой поглядывая иногда назад – на взбиваемые копытами его лошади длинные хвосты пыли. Мужчина прищпорил коня, и караковый, поняв намерение хозяина, мерной поступью подъехал к высокой вербе, покрывающей своей густой тенью солнечную сторону аульной библиотеки. Вихри приставучей пыли, неотступно следовавшие за всадником, подобрались к нему вплотную и закружились рядом в назойливом танце, утопив мужчину в своих объятиях. Верзила недовольно сморщил свой массивный нос и помахал возле лица граблевидными руками. Пылевой вихрь, вдоволь покружив возле мужчины, пустился дальше и, постепенно редая, стал исчезать из виду.

Лишь когда пыль рассеялась, громадного роста мужчина увидел толстенную ветвь вербы, свисающую к самому низу деревца, и аккуратно привязал черный ворсистый волосяной чумбур, стараясь не задеть им землю. Он не заметил, как из окна библиотеки за ним с недовольным видом следила девушка-библиотекарша.

«Что это за человек?! – с легким возмущением думала Куралай. – Разве он не знает, что нельзя врываться в чужой дом с таким норовом, будто приехал со срочной недоброй вестью?! Не ребенок вроде, здоровенный мужик».

Слегка пригнувшись у скрипучей двери, смуглый, как дно чугунного казана, здоровяк-джигит вошел с неприкрытой развязностью, легко перешагнув через порог. Показалось, что его короткая, толстая шея не очень гармонирует с его громадной, будто вытесанной целиком из огромной черной скалы фигурой. Вместе с ним в комнату втиснулся и тут же устремился вглубь некий весьма неприятный запах. И тут же распространился по всей комнате, безмолвно захватив каждый уголок помещения.

Куралай вскочила на ноги, инстинктивно почувствовав опасность, сердце ее тревожно заколотилось. Она попыталась скрыть свой страх и вежливо приветствовала незваного гостя:

– Здравствуйте!

– Здравствуй, здравствуй, сестренка. Я к тебе. С прошлого года знаю тебя заочно, – сказал Черный Верзила, развязно хохотнув. – Чего это ты вылупила свои и без того огромные глаза? Не бойся, не умыкнуть тебя пришел. Удивляешься, откуда я тебя знаю? Я из соседнего района. С прошлого года объезжаю все окрестные аулы, ищу невесту – жениться собрался. Витоге остановил выбор на тебе. Поэтому и пожаловал. Не буду лишние слова тратить. Давай мы с тобой, это... договоримся, – с этими словами Черный Верзила подошел к продолговатому столу возле окна и играючи, словно перышко, подняв двумя пальцами большой тяжелый стул, водворил его прямо перед девушкой и тут же тяжело плюхнулся на него. Громоздкий дубовый стул скрипнул, едва не развалившись на части.

Куралай была возмущена всё нарастающей бесцеремонностью незнакомого джигита, но пыталась сохранить учтивость.

– Пусть, девушка, тебя не шокирует мое несколько вольное поведение. Я человек, привыкший поступать так, как мне нравится, и добиваться своего. Никто еще не смел идти супротив меня. Если бы такой нашелся, я стер бы его в порошок. Честно сказать, я не потому к тебе пришел, что не мог найти себе невесту. Но решил, что самой лучшей, достойной меня девушкой являешься ты. Высокая, с длинными косами, большие, словно чаши, глаза, губы не толстые и не тонкие, красивые. Хорошо, что они такие пухленькие. Мне нравятся такие нежные, малиновые губы. Ничуть не сомневаюсь, что наши с тобой дети будут высокие и красивые. Кстати, ты, наверное, не в курсе, десять лет назад я на районных соревнованиях был победителем, меня нарекли Силачом-Верблюдом. Заниматься дальше борьбой и стать чемпионом у меня не было времени. Ты же не знаешь, спорт – эта такая тягомотина, такая возня. Я бросил эту никому не нужную канитель.

Куралай начала возмущаться: «Он что, меня за человека не считает, принимает за живую куклу? Что за нахал? Кто его сюда приглашал? С какой целью он явился?»

– К чему вам всё это мне рассказывать? – Куралай, покрасневшая от досады, постаралась говорить мягко, без раздражения. – Если пришли за какой-либо книгой, говорите, какую вам надо. Пожалуйста, не обессудьте меня, но ваши рассказы меня несколько не интересуют.

Толстокожий, узкий лоб Черного Верзилы сморщился, и он захихикал, словно поперхнулся чем-то:

– Вот-вот, такой я тебя и представлял. Заговорила как умная девушка. Но так ты говоришь потому, что не знаешь меня. Если бы знала, сама бы закокетничала и побежала за мной.

«Что за грубиян, что за невежа! Как он оказался передо мной? Говорит, будто варвар какой! Каждым словом дерзит и хамит, ни во что меня не ставит! Как мне с ним разговаривать, что сказать? Почему он, как признается сам, с прошлого года следит за мной?»

– Я же сказал, что с другого района. И не могу часто навещать тебя. Вижу, девушка ты с умом, надеюсь, подумаешь как следует и решишься. Короче, вот что я тебе скажу. Я женюсь на тебе. Слава богу, у меня всё есть: и достаток, и положение. И мать есть, и отец. Если этого мало, то и бабушка с дедом тоже в наличии. Скота немерено-несчитано. Я не из тех, у кого ни кола ни двора. Влиятельных родичей тоже хватает. Есть и начальники среди них, и богатеи.

Куралай передернуло: «Про кого это он – ни кола ни двора? На что намекает? Чего добивается?»

– Вах, я же не представился, – мужчина натянул мясистые, толстые губы в подобие улыбки, и из его горла выдавился натуженный смех. – Твоего будущего мужа зовут Шуманкул. Но так ты меня не найдешь, замучаешься. Это мое имя никому не известно. Хе-хе, даже отец с матерью, наверное, забыли. Меня все зовут Чумбал, из-за моей схожести с громадной скалой. Знай, у меня достаточно сил и возможностей, чтобы осчастливить любую женщину, учти это. Родись мне семерых сыновей и троих девчат, этого, пожалуй, достаточно. И хоп, мы все вместе будем счастливы. Долго не раздумывай, настроение, оно ведь переменчиво, как забродивший вчерашний кефир, забытый на солнце. Вижу, ты как бы в сомнениях, не можешь решиться, – это зря. Девушек, которые мечтают обо мне днем и ночью – уйма. Ты должна радоваться, что мой выбор пал на тебя. Ну, а теперь, если ты не против, я отправляюсь сейчас же. Поеду в аул – приступлю к свадебным приготовлениям. Не подумай, что я какой-то придурок, готовый сразу же, с места в карьер, решать всё. Я счел необходимым, как полагается, заручиться твоим согласием, выразить свое намерение, чтобы ты могла подумать, подготовиться. А то ведь умыкнуть такую девушку, как ты, для меня пара пустяков. Но я тоже человек и не хотел тебя напугать, поэтому пришел, чтобы заранее предупредить.

У Куралай застучало в висках, душили слезы, подступившие от обиды, всё больше и больше захлестывала злость. Хотелось выгнать его взащей, но этого она позволить себе не могла. Она никогда и ни с кем не ругалась, не бранилась, и ей трудно было подобрать обидные слова, чтобы хоть как-то отомстить негоднику. Куралай не умела выражаться грубо, тем более оскорбительно, и она, пожалуй, впервые в жизни пожалела, что не может как следует обругать обнаглевшего человека. А промолчать – уж больно задела ее слова этого самодура. И как только он может произносить такие уничижительные слова, как может вести себя так похабно по отношению к незнакомой девушке?! Трудно поверить, что бывают такие люди – без понятия о приличиях и без малейшего желания считаться с другими!

Чувствуя себя перед этим чудовищем бессильной и беззащитной, Куралай готова была разрыдаться; ресницы ее всё больше тяжелели от выступивших слез. Не найдя нужных слов, она молчала, чувствуя обжигающую душу обиду. Оскорбительное поведение этого дьявола в человеческом облике сковало Куралай до беспомощного состояния, и она готова была разрыдаться. Самое обидное, что не могла ответить ему подобающим образом – она никак не могла собраться с мыслями от уязвленного самолюбия и бессильного возмущения.

По-иному воспринявший волнение девушки Чумбал-здоровяк самодовольно улыбнулся, растянув толстые губы как резину, и из-за его желтых клыковых лошадиных зубов вырвались глумливые слова:

– Правду говорят, что радость и испуг одного порядка. Вижу, что от радости не можешь произнести ни слова. Слышал также, что молчание девушки означает согласие. Я и сам предполагал, что так и случится...

Девушка поняла, что если сейчас не осадить этого зарвавшегося хамливого наглеца, то его уже не остановить, но ее девичья учтивость не позволяла сказать ему что-либо дерзкое и выразиться так грубо, как бы ей хотелось в душе, и она ответила по возможности вежливо:

– Не обессудьте, уважаемый. У меня есть жених, с которым я помолвлена.

Чумбал снова расхохотался во весь голос:

– Знаю я этого жениха. Это ты про Зангара говоришь? – У Куралай екнуло сердце от испуга: «Откуда он про него выведал?» – Это с твоей стороны, как бы помягче сказать, наивность. Не обижайся, что режу правду-матку. Зачем тебе этот босяк, у которого ни двора ни кола, только вошь на аркане? Где ты с ним будешь жить? Как будешь детей растить? День поголодаешь и поймешь, что жизнь не игрушка и не вздох на скамейке.

Куралай всё труднее было сдерживать себя, и она решила дать хоть какой-то отпор этому хаму, который, чувствуя свою безнаказанность, наглед с каждой минутой:

– Мы тоже живые люди, что-нибудь придумаем.

– Неужели?! Ох размечталась! И чем же этот молокосос лучше меня? А?! Объясни-ка мне это. Вот, молчишь. Нечего сказать. Нет в нем ничего такого, что ты можешь мне предъявить. Не зря говорится: не всё то золото, что блестит... Мне даже оскорбительно, что ты можешь поставить его в один ряд со мной...

Куралай вдруг поняла, что более терпеть этого мерзавца она не в силах, и разгневанно выпалила:

– Не смейте его оскорблять!

Разъяренный Чумбал вскочил с места:

– Ох-ох, вы посмотрите-ка на нее! Я не то что оскорблю его, я ему шею сверну и вырву. У меня джигитов-головорезов достаточно. Все как на подбор, отчаянные громилы. И оружия у меня хватает. Если он вздумает встать на моем пути, сам себя и погубит. Запомни мои слова, я его изничтожу. И знаю, как это сделать. Никто на меня даже не подумает, решат, что он сам себя утробил. Так что помни, красавица, его судьба в моих руках! – Чумбал резко сел, стул отчаянно заскрипел, едва не развалившись на части. – Ну, чего ты вылупила глазки? Испугалась?! Может, и хорошо, что испугалась. А то ведь этот парень может из-за тебя с жизнью распрощаться. Если он выступит против меня, я его отправлю к праотцам.

– Дяденька, не трогайте Зангара. В чем его вина? Он же ничего плохого вам не сделал?.. У него в жизни и без вас много было сложностей. Разве вам не жалко молодого парня?.. Вы вообще умеете жалеть человека? – Куралай, готовая расплакаться, с дрожью в теле поднялась с места.

Чумбал замолчал и решил, по-видимому, сбавить обороты.

– Да успокойся, чего ты без причины реवेशь? – сказал он, причмокивая губами. – Если не будет против меня идти, пусть живет. Но время нынче такое, что никто никого не жалеет. Разве случались бы войны, если бы люди умели жалеть друг друга?! Отчего гибнут безвинные люди? Старые и молодые, даже дети малолетние – все ведь почему зря мрут как мухи... Что же их никто не жалеет? И на чьей совести их смерти? Значит, таков наш мир: кто силен – тот и диктует свои законы. Разве мы не видим всего этого? Человек – это зверь, нет, он хуже зверя, он хищник, кровопийца, фашист! Но я не такой, я не жажду крови, я не фашист. Но никогда не пойду на то, чтобы добровольно отдать кому-то, что причитается мне. Иначе зачем жить?! Я не из тех олухов, кто готов плясать под чужую дудку! И пусть никто не зарится на мою долю, я такого в рог согну!

Ну, ладно, похоже, я тебя растревожил своими резкими словами, успокойся. Но ни на минуту не забывай мое условие – если выберешь Зангара, то станешь виновницей его смерти. Знаю, ты еще неопытна, не видела жизни и жизненных уроков не испытала. Надеешься на будущее Зангара. Но всё это – пустые надежды, призрачные мечты, самообман. Задумайся над этим. Знаю, на что он рассчитывает, – на скакуна Кертобеля скотника вашего Акимжана глаз положил. Акимжан – скромный, простой работяга, ему всё едино на чем ездить, на

дорогом скакуне или на осле. Ему главное, чтобы не пешком пасти коров, ему того достаточно. Ни на что большее не зарится. Есть еще Тулебай – тот намного живее, да и здоровяк, как и я. Попробовал поговорить с ним, он сразу в амбицию, обижен на кого-то или другая какая беда у него – «устал, говорит, от таких просителей, как ты, оставьте, ради бога, в покое». На том и завершили разговор. Всё это я вызнал у твоих аульчан, приходил не раз, расспрашивал людей. Честно сказать, очень обрадовался, узнав, что и легкая добыча, и красивая невеста нашлись в одном ауле.

Думаешь, я зря целый год выслеживал каждый твой шаг?! Того скакуна управляющий отдал, говорят, Тулебаю. Об одном жалею, поздно об этом узнал. Но есть некий Дурбай, большой начальник и очень богатый человек, который готов облагодетельствовать нас. Но ты его не знаешь. Так этот Дурбай поспорил с неким Мыктыбаем на очень крупную сумму денег. Эти деньги достанутся тому, чей скакун придет первым на скачках, где будут состязаться самые лучшие, самые летучие аргамаки со всей Киргизии и Казахстана. И если хоть малая часть тех денег достанется Зангару, он сможет на них и жениться, и дом купить, и новой легковушкой завладеть. Оттого он и бесится, что его всего распирает эта блажная надежда.

Услышав про эти разговоры о большом купше, я тоже поехал к Дурбаю. Такая легкая добыча и мне бы не помешала, конечно. И потому предложил ему свои услуги. И Дурбай принял их, выложил свои условия и мне. Что хорошо, так это то, что он не намеревался присвоить скакуна насовсем. После скачек собирался вернуть лошадь хозяину. Понятное дело, что я тоже принял его условия. Оказывается, Дурбай когда-то на скотном базаре наткнулся на лошадей известной ему породы. Кобыла, стригунок и жеребенок – все три лошади были от одной матери и все – сивохвостые, караковой масти. Он загорелся идеей купить всех трех породистых животных, но денег не хватило, а когда вернулся с деньгами, оказалось, что жеребенка увел некий знаток лошадей – состоятельный киргиз по имени Манас. Дурбай горько пожалел об этом, но ничего поделаться не мог. Тем более что того Кертобея приобрел, как оказалось, отец Жибек, Жахангир, и отдал его своему зятю, Акимжану. А тот сбыл коня с рук и сдал его совхозу – посчитал уход за породистой лошастью слишком утомительным и трудоемким. Дурбай связался через кого-то с киргизом Манасом, но тот не захотел ему отдать скакуна...

Ну, ладно, что-то я совсем разговорился. Но я должен был тебе разъяснить ситуацию, иначе бы ты не придавала значения моим словам. Не хочу, чтобы ты поверила словам Зангара, его безосновательным и, в сущности, пустым надеждам. Да и как бы ты поняла, кто я есть, если бы я подробно не рассказал о себе, о том, зачем сюда приехал? Посоветуйся с близкими, взвесь все за и против. Всё едино, ты ни в жисть не найдешь во всем этом крае человека, который бы хоть в чем-то опережал меня. Не забывай мои слова, если только хочешь, чтобы Зангар остался в живых. Ну, ладно, прощай пока, я поехал.

* * *

Когда Куралай закончила свой рассказ, глаза Камбара горели огнем, в порыве буйного гнева он вскочил с места и громогласно обратился к Зангару:

– Брат Зангар, разрешите мне сейчас же отправиться к этому негодяю, я покажу ему, кто есть кто. Забью его насмерть!

Зангар, выслушавший рассказ девушки хмуро, со сжатыми зубами, покачал головой, сказав:

– Я сам с ним разберусь, кто бы он ни был. А ты сгоряча, в разгневанном состоянии, можешь натворить бед. Все его слова – скорее всего пустые угрозы, но в любом случае он не останется без наказания.

Его слова тут же подхватил старик Ахмет:

– Ничего непоправимого пока не случилось, ребята, так что не надо кипятиться. Не зря говорится: гнев врагу подобен, а ум – верный друг, с ним неразлучен будь. Сначала нужно как следует разобраться в ситуации. А там решите, как действовать.

Никто не нашелся, чем возразить доводам Ахмета. Саян воспользовался ситуацией и поднял руку:

– Дедушка, можно мне сказать?

Ахмет кивнул, поняв, что мальчик хочет что-то уточнить.

– Тетя Куралай, к вам заходивший черный мужчина – как казан большеголовый, так ведь? Крупного телосложения, подстриженный наголо, да?

Куралай вздрогнула, не на шутку испугавшись:

– Откуда ты знаешь? Или ты наблюдал, притаившись?

– Меня там не было. Просто... это мое предположение. Хочу кое-что рассказать. Потому и уточняю. У него на правой стороне лица была крупная, размером с пуговку рубашки, черная родинка?

Куралай помолчала, опустив взгляд и кивнула:

– Да-а... да.

– Хотел спросить, курит ли он, но вы сразу сказали про запах курева. Я не курю, поэтому сразу же чувствую запах никотина. Догадываюсь, что никто из присутствующих тут не курит. Кстати, а брюки на нем были черные? И не выпирало ли из правого кармана брюк что-то большое, квадратное?

– Да, брюки его были черные. А когда он расселся на стуле, то действительно было заметно, что из одного кармана брюк выступал какой-то прямоугольный предмет...

– А он не доставал этот предмет из кармана?

– Да, доставал, точно помню. Он вынул из серебристой металлической коробки папиросу и хотел прикурить, но я ему сказала, что тут не курят, сюда ученики заходят. А он удивился: «Что, сюда и дети заходят?» и недовольно выпятил губы.

– А папироса была «Беломор»? Я так и думал, что у него есть металлическая серебристая коробка для папирос, и не ошибся. А подпоясан он был широким коричневым ремнем, так?

– Марку папирос не углядела. А ремень на нем был вроде такой, как ты описал, широкий.

Молча слушавшие этот диалог были снова поражены. И продолжали молчать, ожидая следующих интригующих вопросов. Саян понял, что его догадки верны, и, осмелев, задал еще один вопрос:

– А вы не заметили на пряжке ремня пятиконечную звезду?

Девушка часто заморгала и кивнула согласно:

– Да...

– Вы поняли, что это был солдатский ремень?

– Да, я и раньше видела такие ремни. Такой же.

– А рубашка его черная?

– Да-а.

– А воротник рубашки прямой, стоячий, да?

Куралай нахмурилась и, напрягая мысли, силилась вспомнить:

– Воротник?.. Да, пожалуй, что воротник стойкой. Но точно не помню, я особо не рассматривала его рубашку.

– И на ногах у него были такие же сапоги с длинным голенищем, как у этих уважаемых людей?

– Не знаю. Кажется, такие же.... – Куралай осеклась, затем закивала головой, словно вдруг вспомнила. – Ой, я совсем растерялась от твоих вопросов. Если

бы я знала, что ты на меня обрушишь такие чудные вопросы, я бы как следует разглядела его. А сапоги... кажется, такие же были... да, такие...

Саян на миг задумался и продолжил свой вопрос:

– А на подошве сапог у него были медные подковы в форме полумесяца?

Куралай невольно улыбнулась, представив в лице мальчика следователя:

– Если бы знала, что ты так будешь меня допрашивать, я бы попросила его показать подошву сапог. Миленький, откуда мне знать, какая у него подошва, какой каблук?

Саян, поняв, что переборщил с расспросами, натужно улыбнулся, делая вид, что пошутил.

– Кстати, он просил показать самую большую книгу Абая?.. И потом... он правша?..

Куралай и все другие присутствующие удивленно подняли брови и так посмотрели на Саяна, будто увидели его впервые.

– Откуда ты знаешь, что он мне сказал? Или он сам всё тебе рассказал? Иначе мне трудно объяснить, отчего ты задаешь такие вопросы, будто стоял с нами рядом. Да и откуда мне знать, правша он или левша?

– Думаю, что он не из тех, кто читает книги. Такие обычно стараются показать себя умными, я это не раз замечал. И не раз видел, как такие люди листают книги Абая, хотя и не читают их. Когда вы подали ему книгу, какой рукой он взял ее?

– Да, так и было. Он попросил книгу Абая. Но большой сборник стихов Абая был на верхней полке. И мне пришлось залезть на стул, чтобы достать его. А этот человек даже не открыл книгу, взял ее в правую руку, подержал на весу, словно пытался определить вес, и сказал: «О, я не раз слышал, что Абай был умным человеком. К тому же, говорят, был богат и имел несколько жен. Ну и что ему оставалось делать, как не писать стихи, коли не работал и лежал без дела. От скуки и кропал, видать, стихи. Мы его стихи учили наизусть в школе, да я забыл их все. Хорошая книга, большая. Ты никому ее не давай, я как-нибудь заберу ее домой. Скажу гостям: “Да вот, Абая читаю. Умнейший человек!” Пусть подивятся!..»

– Я предполагал, что он так и поступит.

Куралай улыбнулась и ласково взглянула на Саяна, но ничего не сказала.

– А после ухода этого человека вы подмели полынной метлой двор библиотеки со стороны вербного дерева?

– О боже! – Девушка растерянно оглянулась вокруг. – Откуда ты про всё это знаешь, если не стоял рядом и не видел своими глазами?

– Вы же сами сказали, что пришедший поднял столб пыли. А вы не любите, когда возле библиотеки не убрано. Неудобно перед теми, кто приходит за книгами. Поэтому вы стараетесь, чтобы было чисто перед входом в библиотеку, а потому метете, если не убрано. Так ведь? А в ауле метелки делают из полынной травы, я и сам пользуюсь такой метлой иногда.

– Конечно, мы все так делаем, – Куралай застенчиво улыбнулась.

– А подметая двор, вы удивились, но не придали этому особого значения, не так ли?

– Чему я не придавала значения? Откуда ты знаешь, что я удивилась или не удивилась? Сейчас я уже и не помню всего, что я тогда испытывала.

– Вы сказали, что не видели подошвы сапог пришедшего. Но следы его вы увидели и не могли не удивиться их величине, хотя особого значения этому не придали. Потому что размер чьих-то сапог вас не интересовал.

Куралай улыбнулась с еще большей застенчивостью и согласно кивнула.

– На тех следах, на подошве сапог, должны были быть заметны отпечатки подковы с изображением полумесяца.

Куралай нахмурила брови, задумавшись, и попыталась вспомнить:

– Да, да, что-то подобное припоминаю... Кажется, так и было... да, на подошве сапог был какой-то знак, похожий на полумесяц. И правда, я была несколько удивлена чересчур большим размером сапог. Но особого значения не придавала. Если бы ты сейчас не напомнил, я бы и вовсе забыла про то.

– А когда вы подметали во дворе, не обратили внимания на то, что лошадь пришельца была скакуном?

– Как бы я это поняла? К тому времени он уже уехал, так что разглядывать его лошадь я не могла.

– Можно догадаться по следам...

– По следам?! Как это? Никогда в жизни не разглядывала следы лошади.

– Там, где лошадь была привязана, возле вербы, не была ли почва слегка подмоченной?

Куралай заморгала, напрягая память:

– Да, на том месте почва была мокрой, и было немного трудновато там мести. Я решила, что подмету позже, когда почва высохнет, и не стала долго возиться.

– Понял. Значит, скакун. Не сивохвостой ли была лошадь?

– Сивохвостый? Это как? Я не знаю таких слов.

Саян с улыбкой повернулся к деду. Ахмет слегка усмехнулся и сказал:

– Саян много времени проводит среди животных и слышит такие слова от табунщиков. На хвосте иных лошадей бывает небольшая, размером с ладонь, а то и меньше, белая шерсть. Таких лошадей называют сивохвостыми. Такие белые щетинки встречаются и на гривах лошадей, и на человеческих волосах. Их называют сивоголовыми.

Девушка зарделась, устыдившись, что не знает слов, которые знает этот мальчишка, и опустила глаза долу, заморгав нежными, легкими, как крылья бабочки, ресницами. Затем сказала, вспомнив нечто важное:

– Да-а, когда этот человек привязывал свою лошадь к дереву, я заметила на хвосте лошади тонкую, с ладонь руки, белую пежину, протянутую от верха хвоста до низу. Было похоже на то, что хвост лошади измазан белой краской, подумала, может, хозяин пролил на хвост лошади белую краску. Но спрашивать об этом у меня не было ни малейшего желания.

– Вы, наверное, подметали и под той вербой, к которой была привязана лошадь?

– Да...

– Видели следы от копыт?

– Видела.

– Они отпечатались ровно? Широкие или чуть глубже по сторонам?

Девушка задумчиво нахмурилась, и ее луноподобные брови едва не слились в переносице.

– Я не придавала этому значения. Кажется, неширокие были следы и по сторонам несколько втоптаны в землю. Были похожи на полумесяц.

– А на этом следе, похожем на полумесяц, не заметили с краю небольшую прямую?

Куралай смолкла, не зная, что отвечать. Зангар решил вступить за девушку и тихо засмеялся:

– Саян, дорогой, ты так допытываешь девушку, будто она преступница какая.

Улыбнулась и Куралай:

– Ничего страшного. Я забыла, кажется, наверное, от того, что не придавала значения. Попробую-ка заново вспомнить... Да, кажется, был небольшой отпечаток, похожий на насечку. Да, да, вспомнила, я еще подумала, что у лошади одно копыто сломано с краю.

– Нет, копыта у той лошади не сломаны и без насечки. Это – следы от железной подковы. – Саян повернулся к деду. – Я же говорил, что лошадь, подвернувшая ногу о нору и упавшая на холме, была с железной подковой. Значит, это был тот самый Шомбал. И выпавший кинжал тоже принадлежал ему.

– Ох, Саян, ты просто молодец! Всё рассказываешь, будто видел собственными глазами! – Караман восхищенно захлопал, к нему присоединились остальные.

Саян не смог скрыть улыбку удовольствия и хитро обратился к девушке:

– У этого человека дома, небось, есть новые национальные кошмы-текеметы?..

Этот вопрос явно не понравился старику, да и другие оглянулись друг на друга, словно спрашивая: «Какое отношение это имеет к делу?»

Прежде всех заметивший недовольство других Караман опередил всех с обращением к Саяну:

– Саянжан, видно, я рано тебя похвалил. Какое тебе дело до чужих текеметов?! И откуда Куралай может знать, что есть в доме у этого нечестивца? Она и самого Чумбала-то видела впервые, не то что обстановку в его доме. Вот ты интересный!..

Но Саяна повышенный тон Карамана несколько не осадил. Он улыбнулся еще шире и продолжил допрашивать девушку:

– Попробуйте вспомнить. Неужели он ничего больше не сказал?

Куралай сидела, потупив взор, и видно было, что у нее нет никакого желания поднять глаза. Помолчав некоторое время, она всё же сочла нужным ответить, словно пожалела ожидавшего ответа мальчика:

– Да, кажется, он говорил и про текемет.

Чутко прислушивавшиеся к разговору мужчины снова удивились прозорливости Саяна, который всё описывал так, словно сам был свидетелем тех событий. Но видя, что девушка и так сильно смущена, никто не стал задавать других вопросов. Один только Саян не унимался:

– Да, и что же он сказал?

Куралай не особо хотела делиться подробностями того разговора, но, видя, что у всех присутствующих возник непреодолимый интерес к случившемуся, решила ничего не утаивать.

– Он сказал: «У меня всё заготовлено для нашей свадьбы, всё убранство дома я обновил, постельное белье, подушки-одеяла, текеметы-ковры – все новые, всё приготовлено. Всё старье я вынес в кошару!»

Саян обрадовался:

– Я же говорил, что ноги каракового были обернуты старым текеметом. Я был прав на все сто!

Глава XXVI

Новые загадки. Где еще один верзила?

Неожиданное послание.

– У меня тоже были кое-какие догадки. Но доказательств не хватало. И я не говорил о них, боясь, что попаду впросак. Хорошо, что боялся. Если бы поделился, оказался бы в лупках. Только сейчас, после рассказа тети Куралай, для меня прояснились некоторые детали и поступки, остававшиеся туманными. Если разрешите, я расскажу обо всем подробнее, – сказав так, Саян вопросительно взглянул на деда, тот кивнул с доверительной улыбкой и поддержал его намерение. – До этой поры я думал, что огромный след принадлежит только одному человеку, и подозревал во всем Тулебая-ага. Позднее я увидел следы Зангара и Камбара и подумал, что виноваты все трое, что проделки – это дело их рук. Потому что их следы были очень похожи. Четвертого великана, Чумба-

ла, я, конечно, видел на кокпаре, но его следов в тот день на земле не обнаружил. На состязании я заметил, что у него большие сапоги, но глядя со стороны, невозможно определить, какие следы остаются от них. После того, как расспросил тетю Куралай, я понял, что и у него тоже такие же большие следы, как и у вас троих...

Вы сами слышали сейчас, отчего этот человек затаил обиду на Зангара и на тетю Куралай. Думаю, что кокпар был организован этим самым человеком – Чумбалом. Теперь мне совершенно ясно, что он, сговорившись со своими джигитами, надумал столкнуть в пропасть и дядю Зангара, и дядю Тулебая. Теперь расскажу и о других своих наблюдениях. Именно этот человек пришел за Пеструхой, а затем, испугавшись огней нашего фонарика и звуков железных болтов, гремевших как выстрелы из ружья, отправился восвояси. Если бы он следил за каждым шагом Зангара, то я не увидел бы ни его самого, ни того, куда он спрятал пеструю корову...

– Вот это да! – Зангар пораженно хлопнул ладонями. – Как я не заметил всего этого, а?

– Его следы в точности как у дяди Зангара. Догадываюсь, что и он, и вы все заказывали свои сапоги у учителя Мырзабека.

– Ой, к чему эти сапоги, ты дальше говори, как дело было, – нетерпеливо заерзал Караман. Старик осуждающе посмотрел на него, молча призвав его набраться терпения.

– Именно этот человек поехал за нами в пустыню. Сначала он снял путы с наших лошадей и отогнал их подальше от нас. А во второй раз, когда он шел по нашим следам, «красноглазое чудище на кунане, которое жалобно плакало», испугало его, и он вернулся назад, восвояси.

Камбар натужно улыбнулся, будучи весьма пристыженным:

– Должен признаться, что и я немало испугался того чудища... – Веселый смех собравшихся несколько разрядил напряженную обстановку.

– Знать бы мне, что все эти богатыри тащились за мной один вослед другому, вот бы была заваруха, а?! – громко расхохотался Тулебай и, не в силах остановиться, протер ладонью прослезившиеся от смеха глаза.

– Продолжай, сынок, рассказывай! Честь и хвала матери, родившей тебя, и деду, воспитавшему такого прекрасного молодого человека.

– Пегая корова погибла в болоте из-за нападения слепней. Она попала под их налет как раз в то время, когда слепни летали густой стайей.

– Разве слепни летают стаями? Такое слышу впервые, – недоверчиво произнес Ахмет.

– Дедушка, я читал в одном журнале по зоологии, что такие случаи бывают, хотя и очень редко. Почему так происходит, это еще нераскрытая тайна природы.

– Здорово! Хотя какая же это статья, это рассказ, наверное. – Караман не переставал пытаться найти изъян в словах мальчика, хотя и слушал его с открытым ртом. – А они, случаем, не нагрянут на джайляу, не нападут на нас? В твоём рассказе о том не сказано?

– Не рассказ, а статья, газетный или журнальный материал, не помню в точности. Но точно помню, что ничего про то, что они собираются в горы, чтобы напасть на нас, не сказано, – посмеялся вместе со всеми Саян и пошутил: – Но вернемся к нашим баранам, как говорили в таких случаях древние римляне. Самое главное, что именно этот Чумбал был тем самым злоумышленником, который отделил шестнадцать овец от отары и загнал их в гущу арчовника, прямо в пасть голодных волков.

– Откуда ты про это-то узнал? Неужели в газетах написано?! А потом... Следов-то везде как грязи... И от подкованных лошадей и скакунов без подков,

и всяких других... А где доказательства?.. – Караман недолго горевал по поводу того, что мальчик снова его поднял на смех, и теперь больше тревожился из-за того, что преступник наверняка сейчас сидит среди них и может ускользнуть, если вовремя не разоблачить его.

– Доказательств сверх меры. Во-первых, Зангар-ага передал кинжал, который ему подарил Тулебай-ага, тете Куралай. Потому что ходить с кинжалом – это опасно, об этом знаем даже мы, мальчишки. Если милиция увидит его в твоих руках, то может арестовать за ношение холодного оружия. Мне отец об этом говорил. А тетя Куралай не стала раскрывать сверток с кинжалом, а просто сунула его в открытый ящик стола. Это заметил тот самый Чумбал. Он специально отослал девушку за книгой, чтобы незаметно присвоить себе оружие.

– А какое это имеет отношение к делу? – Караман всё не мог успокоиться.

– Чумбал пришел на джайляу. Там были и Тулебай-ага, за которым следовали Камбар-ага, а за ним шел и Зангар-ага. А за всеми ними следовал Чумбал. Если бы он не был в самом конце этой цепочки, он бы поостерегся отделять от отары часть овец. Но тут его конь споткнулся о нору и упал кувырком. Чумбал остался под лошадью, об этом говорят множество следов и знаков на месте падения.

– Это какие же следы и знаки? И когда ты их успел увидеть? Почему ты до сих пор не сказал нам с дедом про всё про это?! – громко вопрошал Караман. Другие молчали, словно поддерживали Карамана.

– Поначалу я думал, что с лошади упал Зангар-ага. Потому что и под ним была подкованная лошадь. К тому же найденный кинжал принадлежал ему. Кто это мог быть, как не он?! Этого я долго не мог понять. Но Зангар-ага не курит. Когда я вернулся в то место и обследовал как следует, то нашел вот это. – Саян вытащил из кармана серебряный портсигар и обратился к Куралай: – Скажите, не эту ли вещь вы видели тогда в руках пришельца?

– Да, да, это тот самый портсигар.

– Саян, разве у других людей не может быть портсигара? – спросил Караман, и все опять промолчали, словно хотели задать тот же самый вопрос.

Саян улыбнулся, почувствовав, что люди ждут не дождутся услышать ответ на этот заковыристый вопрос.

– В первый раз я обнаружил только кинжал. Потом вернулся туда один и осмотрелся повнимательнее. Разглядывал близлежащие кусты арчи, свалившиеся травы, раздвигая их носком ботинка и палкой. Солнце пекло прямо над головой. Вдруг что-то блеснуло в кустах... Прошел мимо того куста, ничего не заметил. Потом дал назад и повторил путь, и снова что-то блеснуло снизу ярким светом. Я остановился, подумал, а не играет ли кто-то со мной, направляя на меня отраженные от зеркальца солнечные лучи, спрятавшись в арчовнике. Но сколько бы ни всматривался в кусты можжевельника, никого не увидел. Прошел немного вперед, и опять что-то сверкнуло под ногами. Я обрадовался. Под свалившимся пучком густой травы увидел нечто, что блестело, подобно серебряной ложке, упавшей в грязь. Понял, что это оно отражало солнечный свет и блестело под ногами.

– И что же это было?.. Обломок зеркальца? – Караман снова не сдержался, торопясь побыстрее разгадать загадку, словно нетерпеливый мальчишка. Сидящие вокруг усмехнулись, но снова промолчали.

– Не зеркальце, а серебристый, красивый портсигар. Лежал в грязи, лишь один угол высвечивался на солнце, наверное, потому, что хорошо был промыт дождем. А теперь скажите сами, почему портсигар и кинжал лежат практически в одном месте?! По-моему, ответ один – потому, что они принадлежали одному и тому же человеку. А кто этот человек? Конечно, это тот самый Чумбал тети Куралай.

– Ну, ты тоже скажешь... Мне до него никакого дела нет, – зарделась Куралай. Сидевшие слегка посмеялись над тем, как Куралай вспыхнула от недовольства.

– Простите, я так говорю, потому, что вы первой его увидели. Найденный кинжал все тут узнали. Чумбал следовал по пятам за троими, кто шел впереди него. К тому же, похоже, несколько побаивался их. Он не мог понять, какие цели преследуют эти трое впереди него, а незнание всегда рождает опасение. Оттого он часто метался, не зная, куда идти – следы его коня ведут то вправо, то влево, то вперед, то назад. А потом... потом случилось вот что... – Саян замолчал, стараясь как можно яснее представить себе случившееся.

* * *

...Поскользнувшись, скакун попытался выпрямиться и подняться на ноги и тут же пуститься вскачь, чтобы оправдаться перед хозяином за свою неуклюжесть, но неожиданно наступил правой передней ногой в зиявшую под густой луговой травой нору сурка, прикрытую мелкими льдинками града, и резко грохнулся наземь, перевернувшись вниз головой. Довольно плотного телосложения наездник с привычной с малых лет проворностью попытался вынуть ноги из стремян и выпрыгнуть из седла, но падение лошади было столь стремительным и неожиданным, что он успел вынуть только левую ногу, прежде чем свалиться на правый бок и оказаться под скакуном. Из-за обильно выпавшего и посверкивающего поверх зеленой травы града полеглая луговина была столь скользкой, что лошадь стала быстро сползать на бок вниз. Лежащий на траве мужчина попытался ухватиться за мокрый куст конского щавеля, но не дотянулся. В отчаянном рывке он потянулся к торчащим чуть поодаль веткам можжевельника, но, видя, что рукой ему не достать, попробовал забросить туда чумбур. Со второй попытки он сумел-таки зацепить волосным чумбуром куст можжевельника потолще, но ветка не выдержала – сломалась, едва натянувшись. Мужчина сполз еще на некоторое расстояние по мокрому откосу, пока не ухватился за плотный куст конского щавеля и попытался, напрягая все силы, подняться на ноги. В этой отчаянной кутерьме он не заметил, как из голенища его правого сапога выпал завернутый в холщовую материю кинжал и скатился по мокрому темному косогору вниз. Скакун под мужчиной неистово перебирал копытами, едва удерживаясь на скользком откосе, и, истово потоптавшись, поднялся на ноги, а мужчина, так и не сошедший с седла, направил коня подальше от опасных извилистых закутков можжевельника и удалился, постанывая от боли и досады.

* * *

– А потом... понятно, что оказавшийся под упавшей и перевернувшейся через голову на спину лошастью человек не может не получить какое-либо увечье. Хорошо еще, если не сломает позвоночник или ребро. Вор, он ведь тоже живой человек. Жалко и вора. Мне кажется, с ним случилось что-то нехорошее.

А скакун под ним не смог сразу вскочить на ноги. После тяжелого падения он долго брыкался и переминался с ноги на ногу, пытаясь вернуть равновесие и подняться во весь рост.

Раскиданная далеко грязь вокруг и растоптанная трава говорят именно об этом. Но я не мог понять одного: раз лошадь кувыркнулась головой вперед и упала на спину, то почему на земле не остались следы седельных луков? Ведь у русских седел передняя и задняя лука обычно металлические, они могут согнуться, но не ломаются. Я долго думал над этим, пока не понял – это потому, что наездник не успел выпрыгнуть из седла и остался под конем в седле. Круп коня хорошо отпечатался на почве. Железная лука седла должна была остаться под телом наездника, потому и не оставила следа. Ведь в нору попало лишь

копыто правой ноги лошади. Если бы нога вошла по напятник, то наверняка случился бы перелом ноги.

– Хи-хи... – усмехнулся Караман. – Молодец, Саян, слов нет. Так и сыплешь небылицами. Я бы тоже мог, да только мне не к лицу, я ведь не ребенок.

Саян несколько оторопел:

– Почему вы думаете, что я вру?

– О том, что лошадь упала, положим, ты догадался по вмятинам на траве. Но ведь все остальное – сущие выдумки?

– Я ведь и про кинжал и портсигар рассказывал. Если до сих пор не можете поверить, хорошо, я добавлю кое-что еще. Если бы с Чумбалом не случилось какого-нибудь несчастья, он бы сразу заметил пропажу, ну, в крайнем случае, на следующий день. И непременно вернулся бы на место своего падения. Оба этих предмета – веские доказательства его преступного замысла, поэтому он не должен был оставлять их на месте падения. Он ведь тоже, небось, не дурак. Поэтому вряд ли бы оставил свои вещи там, где их посеял, словно мальчишка какой. Кстати, родимое пятно на его лице и его солдатский ремень я заметил еще на кокпаре.

Если бы он не сломал чего-нибудь или не случилась с ним еще какая-нибудь беда, он непременно вернулся бы туда. С того дня прошло немало времени. То, что мы передали пастухам, наверняка дошло и до всех в ауле. Значит, этот Чумбал должен был по тому или иному надуманному поводу навестить нас, расспросить про свои потери и попытаться забрать у нас свои вещи. Но до сих пор от него никаких вестей не было...

Караман понял, что если промолчит, то это будет понято всеми как признание его поражения, и запальчиво возразил:

– Ну, не знаю, может, у него дела какие или, может, он и вовсе не думает о потерянных вещах. Всё это мы узнаем в свое время. Главное, чтобы наши поспешные предположения не оказались ни на чем не основанными выдумками.

Разговор так захватил собравшихся, что они были удивлены, когда за дверью послышалось чье-то деликатное покашливание. Караман с ленцой приподнялся, но тут в дверь вошел чернявый, со слегка поседевшими волосами мужчина в возрасте.

– Ассаламалейкум!

– Ой, дяденька, вы, наверное, заждались? – Куралай быстро поднялась и стала знакомить пришедшего.

– Это водитель автомагазина, Арыстан-ага. Ага, вы же говорили, что поедете вниз, к чабанам?

– Так и думал, да вот забыл, оказывается, передать через тебя вот это письмецо. Это вам, – сказал он, вручая Ахмету конверт. Видно было, что человек не очень расположен к разговорам, да и времени, похоже, у него было в обрез. – Куралай, детка, я тебя заберу вечером, когда буду возвращаться в аул, – сказал он и тут же ретировался.

Ахмет передал письмо Саяну:

– На, прочти-ка. От кого, интересно? И я на старости стал получать послания, – сказал он с усмешкой.

Его старушка вытянула шею и нетерпеливо спросила:

– И кто же это тебе письма шлет?!.

– На конверте ничего не написано, только чья-то неразборчивая подпись, – сказал Саян и приступил к чтению: – Саламалейкум, дядя Ахмет! Пишу вам письмо я – Чумбал. Вы меня видели на кокпаре, думаю, еще не успели позабыть. Я лежу в больнице с переломом трех ребер и лодыжки. Причину я позже расскажу вам при личной встрече. Про ваших овец весть дошла и до меня. У меня к вам убедительная просьба – мы же все свои, казахи, не поднимайте

лишнего шума, пусть всё останется между нами. Вину свою полностью признаю. Понесенный вами урон восполню с лихвой. Если узнают люди, это для меня будет смерти подобно. Вы человек мудрый, повидавший жизнь. Я пишу вам это письмо собственноручно с верой, что вы простите меня. С глубоким почтением, Чумбал.

– Ура! – Караман вскочил с места. – Ахмет-ага, мы в конце концов победили! Победили! Ура! Ура! – Вне себя от радости он неуклюже махал руками и подпрыгивал.

– Повинную голову меч не сечет. Умный умеет прощать, а глупый только о мести мечтает. Думаю, этот Чумбал осознал свою вину и достоин прощения, – Ахмет с готовностью принял решение, с которым молча и одобрительно согласились все, кто присутствовал при этом событии.

И тут же все, один за другим, стали обнимать Саяна и поздравлять его:

– Ты оказался настоящим прозорливцем.

– Всё вышло по-твоему.

– Молодец!

Много лет спустя (вместо эпилога)

– Вот одно мое воспоминание из далекого детства. Когда-то я был мальчиком Саяном, сейчас уже дедушка Саян. Ты спрашивал про мое детство, вот я и рассказал тебе. В те далекие, дорогие сердцу, но безвозвратные дни было много трудностей, но и радостей случалось немало. Мы счастливы уже тем, что не видели войну. За нас отстрадали наши отцы и матери. Многие мужчины положили головы на фронте, а женщины и старики трудились, не зная ни сна, ни отдыха. И нынешняя наша счастливая жизнь – их заслуга.

Рахимжан, сидевший на диване рядом с дедом, с жадностью ловил каждое его слово.

– Дед, а где сейчас все те люди?

– Э, миленький, сколько воды утекло с тех пор... Адильбек в Астане. Такой же, как и я, пенсионер. Тансулу отошла в мир иной той же осенью, Тулебай – следующей весной. Мальчик Адильбек не знал тогда, что его родители умерли в мучениях от последствий ядерных испытаний. Я очень жалел его и не смог сказать ему тогда правду: боялся, что расплачусь от жалости. Но он, повзрослев, конечно, всё узнал о своих родителях. Караман был призван в армию, написал три письма с Дальнего Востока, но дальнейшая его судьба никому не известна. Зангар женился на Куралай, сейчас у них уже правнуки. В Астане живут. Слышал, что отец Камбара похоронен в Кыргызстане, а его самого Зангар пригласил на родину и устроил где-то возле себя.

А про остальных я давно не слышал. Некоторых наверняка уже нет в живых, другие разъехались по разным краям. Кто в США, кто во Франции, кто в Германии... и так далее... У всех свои пути в этой брэнной жизни, и тут ничего не попишешь. Верно сказано, что пути Господни неисповедимы. Не зря в народе говорят: можно родиться вместе, но быть вместе вечно не во власти людей.

– Какими же разными могут быть люди, да, дед?!.. Твой рассказ всё равно что интересное кино.

– Что же, балам, жизнь, она всегда интереснее любого кино. Потому что каждый в ней играет свою главную роль. А то, что люди бывают разными, это происходит оттого, что у каждого свой, неповторимый характер, к тому же у всех разное образование, разное воспитание... И многое зависит от обстоятельств, от того, не подхватит ли человек какой-нибудь вирус.

– Как коронавирус?!

– То – болезнь излечимая. А опаснее всего – душевный недуг, вирус сознания. Человек, подхвативший такой вирус, становится его пленником. И идет туда, куда вирус укажет. Ведь всех этих людей, о которых я тебе рассказывал, вели по жизни те или иные обстоятельства, подобные болезнетворному вирусу. Почему Тулебай был вынужден покинуть родные места? Из-за ядерных испытаний! А что было причиной тех испытаний? Вирусы, замутняющие сознание! Жажда власти, богатства! Почему Чумбал хотел довлеть над всеми другими? Потому что стал пленником собственных тлетворных мыслей и болезненных желаний!.. Это и есть вирус, поражающий человеческое сознание и ведущий по ложному пути...

Почему все эти мужчины положили глаз на Кертобеля? Тулебай добился того, что его конь получил первый приз на скачках, а все другие – позарились на такого скакуна, возжаждали обладать им. Сейчас человечество страдает от вируса зависти. Именно этот вирус толкает людей на соперничество, на желание добиться своего любыми средствами.

Почему нельзя обуздать коррупцию, преступления, совершаемые ради наживы? Кто виноват во всех этих грехах? Сам человек! Вирус зависти толкает заразившихся им людей на преступления. И ненасытно алчные, безжалостные преступники, люди, жаждущие войны ради гибели других, – все, может, и здоровы телом, но больны сознанием. Такие достойны проклятия, но не признания. Если ты несправедлив, если ты нечестен, значит, ты подлец, недостойный называться человеком, выродок. А когда вырождаются люди, вырождается и время. Но правда, как бы кто ни пытался скрыть и убить ее, всё равно вырвется на поверхность, к свету. Те, кто пытается уничтожить ее, заражены вирусом бесчестия. И этот вирус непременно погубит их. Мир спасает справедливость, человека спасает честность.

Пусть Создатель убережет ваши молодые сердца от всей этой нечисти, пусть ваши души останутся светлыми и незамутненными!

Перевёл с казахского Бораи КАКЕН

О КНИГЕ, КОТОРАЯ ЗАХВАТЫВАЕТ С ПЕРВЫХ СТРАНИЦ

Как педагог, с особым вниманием отношусь к книгам, способным не только увлечь, но и развивать мышление подростков. «Тайна следов» Бекена Ыбырайыма – именно из таких.

С первых страниц читатель оказывается вовлечен в захватывающую детективную историю, где подростки проявляют смекалку, наблюдательность и ответственность. Автор умело сочетает развитие расследования с яркими описаниями природы, благодаря чему история становится более глубокой и выразительной.

Произведение не только интригует, но и развивает наблюдательность, логическое мышление и интерес к чтению. Эта книга по-настоящему захватывает и читается легко и непринужденно. Она, несомненно, заслуживает внимания широкой читательской аудитории.

*Сара Мухаметкалиевна МАЯКОВА,
педагог-эксперт, учитель алгебры и геометрии
средней школы им. А. С. Макаренко с. Береке Алматинской области*

* * *

На весенних каникулах я прочитала очень интересную книгу «Тайна следов». Автор этого произведения Бекен Ыбырайым.

Эта книга затрагивает темы Семипалатинского полигона, мошенничества, предательства, обмана и прощения. Она очень захватывает: сначала появляется интерес и любопытство, потом возникает напряжение и тревога за героев, в конце остается чувство гордости и вдохновение. Мне понравилась книга, потому что она не только интересная, но и заставляет задуматься о важном...

Каждый знает Шерлока Холмса. Его образ давно стал символом проницательности и ума. Когда читаешь произведения или смотришь фильмы о нем, создается впечатление, что перед нами человек с особыми, почти сверхъестественными способностями: он лишь бросает взгляд – и уже знает всё. Однако за этой кажущейся «магией» скрывается не дар, а умение внимательно наблюдать, анализировать и делать выводы. А теперь представим совсем другого героя – не из Лондона, а из казахской степи. У него нет книг по дедукции и наставников, но есть природная наблюдательность и живой ум. Его зовут Саян.

Саян – главный герой книги Бекена Ыбырайыма «Тайна следов». Это история не о знаменитом сыщике, а об обычном сельском мальчишке, для которого следы на земле становятся ключом к пониманию происходящего. То, что для большинства людей остается незаметным, для него превращается в источник информации.

Мы редко задумываемся над привычными вещами. Проходя мимо следов на дороге, мы в лучшем случае определим, кому они принадлежат, и пойдем дальше. Саян же видит гораздо больше: по глубине и форме отпечатков он определяет поведение животного, понимает, был ли на нем всадник, спокоен ли был конь или встревожен. В его воображении постепенно складывается картина произошедшего. Однако не все взрослые готовы воспринимать такие наблюдения всерьез. Порой детская проницательность вызывает лишь улыбку и недоверие. Тем не менее именно это умение анализировать и делать выводы оказывается по-настоящему ценным. Саян не просто разгадывает следы – он восстанавливает справедливость. Его честность, искренность и глубокая привязанность к близким помогают повлиять на судьбу Куралай. Эта девушка столкнулась с жестоким давлением. Чумбал – человек, который привык решать все силой своего эго, нагло унижает ее выбор, оскорбляет ее жениха, ведет себя так, будто Куралай принадлежит ему. Девушка молчит. Но не потому, что слабая, а потому что ее воспитание не позволяет ей опуститься до грубости. Она испытывает злость, обиду, бессилие. И это знакомо каждому из нас. Кто из вас хоть раз попадал в ситуацию, когда вас задевают или давят, а ответить словами не получается? Ком в горле, пустота внутри...

Используя факты и логику, Саян постепенно раскрывает истину, доказывает вину Чумбала и обнажает его намерения. При этом подросток не прибегает к силе или агрессии – его главным оружием становится правда. Особенно впечатляет, что, несмотря на юный возраст, герой проявляет самостоятельность мышления и независимость суждений. Именно этих качеств нередко не хватает современным подросткам, привыкшим к готовым ответам.

Если вновь обратиться к образу Шерлока Холмса и сравнить его с Саяном, становится очевидно: их объединяет способность видеть то, что другим не под силу. Однако Саян показывает нам нечто большее. Он учит не просто искать улики, а понимать реальность такой, какая она есть, не поддаваясь чужому мнению и поверхностным впечатлениям.

Возможно, каждый из нас способен развить в себе это качество. Нужно лишь научиться внимательности. То, что кажется случайным и незначительным, может иметь свою причину и свою историю. Мир постоянно оставляет нам подсказки. Но замечают их далеко не все. И, пожалуй, главная мысль, которую я вынесла из этой книги, звучит так: «Следы говорят с теми, кто умеет их видеть».

Не проходите мимо – учитесь замечать.

Анна БУРДА, ученица 9 «В» класса СШ им. А. С. Макаренко

Сауле ДОСЖАН

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

*Биографическая повесть
(журнальный вариант)*

Продолжение. Начало в № 5, 2026.

Глава вторая

ПОДРУГА ЖИЗНИ ПИСАТЕЛЯ

1. Встретились в библиотеке

По откровенным признаниям Кемеля Турар поняла, что она — половинка круглого сироты, у которого на этом свете, кроме нее самой, нет ни одной родственной души. Ее поразило, что, прожив в браке почти год и до самого рождения крохи Касым-Жомарта, — творения двух половин, — он хранил эту трагическую тайну в самой

глубине сердца. Теперь она осознала, что именно ей суждено стать для Кемеля укрытием от ливней и селей жизни, от бурь и ветров, поддержкой в трудную минуту и опорой в часы уныния, а их маленький сын — будущее этого рода.

Турар также поняла, что ей предстоит оживить дух умерших, вновь разжечь погасший очаг семьи. И что не сможет она оставлять своего ребенка в чужих руках, когда придет время ей возвращаться к учебе. Здравомыслящая молодая женщина без чьей-либо подсказки уразумела и то, что забота о муже — человеке, денно и ночно находящемся на передовой журналистского труда, неделями пропадающем в командировках, разъезжая по областям, — становится ее прямой обязанностью. И совершенно осознанно Турар приняла решение прервать учебу в медицинском институте, куда она поступила без экзаменов, окончив школу с отличием, по собственному желанию.

Наверное, не много найдется писателей, философов и мудрецов, которые не писали бы о выборе спутника жизни. Эту тему не обошли стороной и эпические поэмы, народные легенды и сказания. Лев Толстой сказал об этом так: «Не муж выбирает жену, а жена выбирает мужа. Для того, чтобы выбрать лучшего отца своим детям, женщина должна знать, в чем добро и в чем зло. И вот этому-то должны бы прежде всего учиться женщины». Пусть эта мысль и не совсем вписывалась в казахский менталитет, но начитанная Турар взяла ее на заметку. Она пришла к мысли, что именно Кемель Токаев станет самым лучшим ОТЦОМ для ее будущих детей. Ради этого она отказалась от многих земных радостей.

После выхода первой своей книги для детей – «Звездный путь» – Кемель задумал написать художественное произведение о напряженной и опасной службе сотрудников милиции. Эта цель открыла ему дорогу к созданию детективного жанра в казахской литературе. В пятидесятые годы супруги с двумя детьми ютились в единственной комнате коммунальной квартиры. Молодая мать, прижимая к себе двух птенцов, спала на кровати, а писатель, сгорбившись, трудился при тусклом свете лампы за столом, на котором были разбросаны бумаги. Стол этот был одновременно и обеденным...

В левой руке тлела папироса, правая то и дело окунала в чернильницу ручку с пером тринадцатого номера, и на пожелтевшей бумаге, исписанной ровным почерком, оживали герои его произведения. Через открытую форточку сизый табачный дым устремлялся наружу, а навстречу ему в комнату врывается холодный ночной воздух. Так, после дневной редакционной работы, не зная отдыха, Кемель работал по ночам над второй книгой под названием «Поток». И она получилась необычайно увлекательной. В те годы хорошие произведения сразу переводились на русский язык и распространялись по всему Советскому Союзу. Роман «Поток» был также переведен на узбекский, киргизский и монгольский языки и вызвал лавину благодарственных писем от читателей. За этот роман Кемель Токаев впервые получил первую премию на конкурсе художественных произведений, посвященных органам милиции.

В тесной комнате Кемель делился сокровенными мыслями с детьми и женой, пытаясь объяснить им их не похожую ни на чью жизнь. После выхода второй книги и ее признания на союзном уровне Турар начала еще глубже осознавать ответственность быть женой писателя, крупного художника слова в особом жанре, новом направлении в отечественной литературе. Выбор спутника жизни – это закладка основ будущего. Верный выбор ведет к счастью, ошибка же заставляет кусать локти всю жизнь.

Кемель объяснял жене, что для человека творчества жизненно важно понимание и поддержка семьи, словно желая, чтобы она взяла это за пример:

– За каждой великой личностью стоит самоотверженная женщина. Начало всех искусств – женщина! – говорил он. Он рассказывал о судьбах великих писателей своего времени, делился интересными историями о роли жен в жизни Льва Толстого и Федора Достоевского.

– Чтобы Толстой мог спокойно заниматься творчеством, его жена Софья Андреевна создавала для этого все условия. Писатель многократно правил рукописи, а Софья Андреевна, жертвуя ночным сном, каждый раз переписывала их набело. Сколько раз он редактировал «Войну и мир», «Анну Каренину», «Крейцерову сонату», столько же раз она тщательно переписывала эти произведения. Исследователи жизни и творчества Толстого пишут, что писатель порой даже менял и сокращал отдельные места по совету жены, – рассказывал как-то Кемель.

Турар, восхищенно слушая, удивлялась:

– Значит, Толстой признавал литературную грамотность жены и считался с ее мнением?!

– Да, и это еще не всё. В свободное время Софья Андреевна занималась и живописью. Кто знает, если бы она серьезно взялась за это занятие, может, стала бы выдающейся художницей. Но она посвятила свою жизнь, способности, всю себя мужу. К тому же она родила и воспитала тринадцать детей!

Рассказывая такие поучительные истории, Кемель открывал супруге многие факты из семейной жизни писателей. Однажды он сказал:

– Лев Николаевич был человеком чрезвычайно простым. Даже одежду ему шила жена. Просторные, удобные рубахи, сшитые Софьей Андреевной, до сих пор хранятся в его доме-музее.

Турар мечтательно восклицала:

– Вот бы и нам побывать в этом музее!

Кемель говорил и о жене Достоевского, подчеркивая огромную роль Анны Григорьевны в его творчестве:

– Федор Достоевский посвятил своей любимой жене глубокий философский роман «Братья Карамазовы». Литературоведы утверждают, что роль Анны Григорьевны в создании этого произведения была неоценимой. А Толстой, однажды встретив Достоевского и поговорив с ним, пошутил: «Многие русские писатели чувствовали бы себя лучше, если бы у них были такие жены, как у Достоевского». Сама Анна Григорьевна 7 ноября 1910 года отправила письмо жене Толстого Софье Андреевне: «Если Вашему почившему мужу довелось дожить до 83 лет, то этим вся Россия обязана Вам». А Софья Андреевна в конце жизни написала: «...Пусть люди снисходительно отнесутся к той, которой, может быть, непосильно было с юных лет нести на слабых плечах высокое назначение – быть женой гения и великого человека», – вот какой должна быть жена писателя! – с восхищением подытоживал он.

После этих разговоров Турар убедилась, что ее судьба отличается от судеб современных ей женщин. Она поняла, что у талантливой личности неординарными бывают не только творчество, но и восприятие жизни, способность любить и ненавидеть, тончайшие струны души. Турар стала не просто женой Кемеля, а настоящей подругой жизни, умножающей его вдохновение и поддерживающей дух. И конечно, они не раз вспоминали о их первой встрече.

...На волне послевоенной научно-технической революции у людей усилилась тяга к образованию, к освоению науки и техники, что способствовало росту общего образовательного и культурного уровня. Благодаря этому увеличилось число посетителей библиотек, а излюбленным местом знакомств и встреч молодежи того времени стала Государственная республиканская публичная библиотека имени А. С. Пушкина, располагавшаяся на пересечении улиц Ленина и Комсомольской.

В 1952 году туда часто заглядывал и Кемель, в ту пору главный редактор детской газеты «Пионер Казахстана». Он брал необходимые материалы в отделе для школьников и пионеров, затем неторопливо просматривал их в общем читальном зале и делал заметки в своей толстой тетради. В один из погожих весенних дней того же года Кемель познакомился в библиотеке с прелестной юной девушкой, студенткой второго курса медицинского института. Проводя указательным пальцем по корешкам книг на стеллаже и переходя от одного ряда к другому, он заметил через просвет между книгами девушку, которая совершала поиски в соседнем ряду.

Еще не успевший до конца оправиться от последствий сиротства и одиночества молодой человек, мало интересовавшийся шумными развлечениями и девичьим обществом, неожиданно для себя самого обратил на нее внимание. Он перешел в ее ряд и приблизился. Набравшись смелости, первым поздоровался.

– Здравствуйте! – голос девушки оказался нежным и мелодичным. Этот голос сразу растопил его сердце. Волосы, собранные в узел на затылке, переливались, как драгоценный мех. Атласное платье с затейливым рисунком из зеленых и желтых листьев ладно облегло ее стройную фигуру.

– По какой теме ищите книги? – спросил юноша.

– Нужен медицинский справочник.

– Вы студентка?

– Да. Я из медицинского института... – ответила она.

Найдя нужную книгу, девушка уже собиралась повернуться и уйти, но Кемеля вдруг пронзила мысль: если он не успеет познакомиться с ней сейчас, потеряет ее навсегда. Сердце болезненно сжалось. Он сделал шаг вперед:

– Меня зовут Кемель. Я журналист, – сказал он, протягивая руку.
Девушка вздрогнула, как пугливая лань, и смущенно произнесла:
– Турар...

Она не осмелилась даже протянуть ему руку, которой крепко прижимала к себе книгу. Ее светлое лицо залилось румянцем, глаза опустились. В тот миг Кемель и не подозревал, что эта милая девушка с солнечной улыбкой станет вечной спутницей его судьбы. Так они и встретились – благодаря книгам.

В послевоенные годы любимыми местами встреч молодежи были парк культуры и отдыха имени Максима Горького, книжные и фотовыставки, устраиваемые при призывных пунктах. Кемель и Турар тоже часто гуляли именно там. Они с радостью покупали новые книги на выставках и возвращались в свои общежития, чтобы поскорее сесть за чтение.

Даже когда не было жилья или не хватало денег, последние гроши они тратили на покупку книг. День, когда кто-то из них приносил домой новую книгу, становился особенным: за чаепитием долго и увлеченно рассказывалось, как удалось ее найти, сколько пришлось сэкономить на транспорте, чтобы совершить эту покупку.

Со временем стало не хватать книжных магазинов Алма-Аты, и они начали привозить книги из Москвы. Самым дорогим богатством в доме Токаевых были многотомные серии мировой литературы, детской в том числе, советская классика, казахская литература. Это была история двух судеб, соединившихся через книгу, которая постепенно переросла в подлинную любовь... Библиотеку, ставшую местом их знакомства, они почитали как священный храм. И с тем чувством, которое там зародилось, они прожили всю жизнь, не изменив своим привычкам до самого конца.

«С детства я, как и мой младший брат и сестры, был жадным до книг. Мы любили художественную литературу, читали не только по школьной программе, но и для себя. Тогда телевидение еще не обладало такой мощью воздействия на сознание людей, как сегодня, и неиссякаемым источником информации были книги. Отец относился к ним с особым трепетом, считая их кладом знаний и просвещения. Благодаря этому в нашем доме собралась богатая библиотека. Я время от времени перечитываю эти книги и вспоминаю годы, когда родители были живы. Видимо, отец и мама по-настоящему понимали ценность этого дорогого богатства. Теперь эти книги стали золотой нитью, навсегда соединяющей нас с ушедшими в мир иной», – пишет в эссе «Слово об отце» его сын Касым-Жомарт.

2. Судьбоносное решение отца

В 1956 году Кемель Токаев победил на конкурсе художественных произведений, проводившемся Министерством внутренних дел совместно с Союзом писателей, получив первую премию за повесть «Поток». Его друг, писатель-фронтвик Калмухан Исабаев, входивший в состав жюри, с восхищением говорил:

– Кемель получил первый приз. Но какой же он чистый, честный человек! Когда после объявления итогов конкурса я спросил его: «Мы же вместе работаем, почему ты мне не сообщил, что участвуешь?», он ответил: «Раз конкурс закрытый, так нельзя». Вот таким честным, безупречным был Кемель Токаев. Он никогда никого не обременял просьбами и не пользовался знакомствами.

За художественные произведения, посвященные самоотверженному труду сотрудников правоохранительных органов, он был награжден знаком «Отличник милиции» и становился победителем этого творческого конкурса и в 1972, 1977 и 1980 годах. Этим званием Кемель по-настоящему гордился, считая его самой высокой оценкой. До конца жизни он носил на груди знак «Отличник милиции».

Роман «Поток» стал для Кемеля как освоение степных просторов для целинников. Он ввел в казахскую художественную прозу детективный жанр, к которому до него никто не обращался. Книгу тепло приняли не только казахские, но и узбекские, кыргызские, монгольские читатели. Пожелтевшие от времени письма, которые получал автор тогда в большом количестве, до сих пор хранятся в семейном архиве. Критики отмечали: «Удачный выбор жанра, профессиональное раскрытие сложной темы, продуманная фабула романа принесли книге успех и определили место писателя в казахской литературе. Он был признан основоположником детективного жанра в нашей литературе».

Сам же Кемель не переоценивал свой талант. Вероятно, по природе своей он был скромн и благороден. В отличие от некоторых коллег-писателей, он не занимался саморекламой и не продвигал свои книги. «Отец хорошо осознавал, что жанр, которому он посвятил свою творческую жизнь, никогда не войдет в реестр традиционной классики, поскольку его книги адресованы массовому читателю. В одном из писем, адресованных мне, он подчеркивал, что творил прежде всего для широкой читательской публики, а также для “своих детей”. И надо сказать, что его трепетное отношение к своему народу воздалось сторицей», – вспоминает в мемуарах сын писателя Касым-Жомарт.

Кемель Токаев – глава семьи, заботливый отец, человек, беззаветно преданный своему делу – работал журналистом в редакциях газет «Лениншіл жас» («Ленинская смена») и «Социалистік Қазақстан». Его фронтовой друг Азильхан Нуршаихов, прошедший войну бок о бок с ним, поддерживал с семьей Кемеля теплые отношения, был его собеседником в творческих вопросах и наставником, когда это было нужно. Турар, в свою очередь, приглашала любимого народом писателя Азильхана-ага в Институт иностранных языков, где работала, и организовывала встречи со студентами английского факультета.

Накануне 80-летнего юбилея друга Азильхан-ага написал воспоминание об одном особенно теплом дне их дружбы. Это было 11 ноября 1959 года – в тот год вышла и не сходила с рук читателей книга «Поток». Аккуратный в работе с бумагами Азеке писал:

«Редактор – Амантай Байтанбаев. Наш Амантай! Эту книгу покойный Кемель подарил мне собственноручно. На внутренней стороне обложки он написал автограф:

Азильхану – другу Азильхану!

От Кемеля. 20.11.1959 г. Алматы.

Так он и подписал. Когда я это прочитал, сердце мое учащенно забилось. И как ему было не забиться? В этой краткой, но емкой подписи покойный Кемель дважды упомянул мое имя. И главное – назвал меня своим ДРУГОМ. Мне стало неловко и стыдно за то, что после его смерти я, забыв человека, считавшего меня другом, долго не мог найти ни повода, ни зацепки, чтобы написать о нем воспоминания».

«Все мы, люди, такие: при жизни называем друг друга друзьями, а после смерти забываем. Если мы сегодня забудем своих друзей, то кто вспомнит о нас завтра? Значит, между нами все-таки была настоящая дружеская связь, взаимное уважение. Но где и при каких обстоятельствах Кемель подарил мне эту книгу?» – размышляя об этом, Азильхан-ага затем подробно вспоминает тот теплый день: как угощался блюдами, приготовленными руками Турар, которую считал младшей сестрой и которую Кемель ласково называл Тураргуль, как целовал в лоб их детей, и из этих воспоминаний складывает свой рассказ.

В то время Азильхан-ага был еще совсем молод и работал собственным корреспондентом газеты «Социалистік Қазақстан» по Павлодарской области. В 1960 году в Казахском государственном издательстве художественной лите-

ратуры (позднее – «Жазушы») готовился к выходу сборник очерков «Щедрый край», и он с рукописью приехал в Алматы. Тогда Кемель занимал должность ответственного секретаря газеты «Социалистік Қазақстан». Он привел в свой дом фронтового друга, приехавшего издалека.

А вечером Турар встретила гостя щедро накрытым дастарханом. Два товарища, подшучивая друг над другом, вели разговоры о прожитых годах, вспоминали грозные дни войны, голодную студенческую жизнь. Одна из тем их беседы касалась трудностей совмещения канцелярской работы и литературного творчества. К тому времени Кемель уже издал три художественные книги. Первой была книга рассказов, вышедшая в 1954 году. Затем – повесть «Қыс қарлығашы» («Зимняя ласточка»). В 1958 году увидела свет книга «Тасқын» («Поток»), состоявшая из трех повестей. Примерно в те же годы у Азильхана тоже вышли три книги, но все они были сборниками очерков, а не художественной прозой.

В разговоре Азильхан признался, что всё еще не может выйти за рамки очерка:

– До сих пор не решаюсь писать рассказы и повести, – сказал он.

Улыбнувшись сомнениям друга, Кемель ответил:

– Ты не переживай по этому поводу. Я читаю твои очерки. По моему наблюдению, то, что ты публикуешь как очерк, на самом деле, – повесть. А то, что называешь зарисовкой, – полноценный рассказ. Твои этюды, взятые из самой жизни, очень выразительны. Ты еще напишешь повесть. А те повести, которые напишешь, потом превратятся в романы. Запомни мои слова.

Азильхан удивленно спросил:

– Откуда ты это знаешь?

– Знаю по собственному опыту. Все мои нынешние повести начинались как рассказы и заканчивались как рассказы. А потом редакторы издательства переименовывали их в повести, – приоткрыл он одну из тайн своей творческой лаборатории и продолжил: – Чтобы писать произведения, нужно знать жизнь. А чтобы художественно перенести ее на бумагу, нужно время. Мы всю жизнь не расстаемся с газетой. Но газетное время не выходит за пределы одного дня. Сидеть в редакционном аппарате и при этом писать книги – значит совершать насилие над собой и своей жизнью. А произведение, написанное насильно, никогда не станет большим, значимым.

Азильхан задумался. Кемель сделал небольшую паузу, словно вспомнив один сюжет:

– Ты ведь знаешь роман Беляева «Человек-амфибия»? Его герой живет и в воде, и на суше, но в конце концов не может остаться на суше и возвращается в море. Мы, журналисты-писатели, похожи на этого героя. В какой среде мы дольше находимся, к той и привыкаем, рискуя навсегда в ней застрять.

Помолчав, он продолжил:

– Кажется, и я слишком привык к журналистскому формату. Слова, предложения, мышление, время, сама жизнь – всё начинает подстраиваться под него. Но человек, который хочет стать настоящим писателем, должен выйти за эти границы. Чтобы создать произведение, имеющее крепкий стержень, нужно продуктивное время. А для этого стоит обменять высокую журналистскую должность на более скромную, но свободную по времени работу.

Кемель с восхищением посмотрел на друга:

– Вот ты добровольно оставил видную должность редактора областной газеты и стал простым рядовым корреспондентом. Теперь у тебя достаточно времени и для чтения, и для размышлений, и для глубокого осмысления истории, и для выхода за газетные стандарты, для создания выразительных, образных

слов и предложений. Время – это и возможность, и сокровище! Ты уже издал книги и еще издашь. Ты поступил правильно. Я, прежде всего, уважаю тебя за этот шаг. Когда все стремятся к высоким постам, ты ради творчества сам пошел на понижение. Я и сам подумываю последовать твоему примеру.

Кимель задумчиво кивнул и продолжал:

– Конечно, быть ответственным секретарем большой республиканской партийной газеты – дело не из легких, и не каждому это по силам. Многие к этому стремятся и не могут добиться. Но в аппарате много разных людей. Есть и такие, кто из зависти будет искать в тебе изъян, лишь бы столкнуть с высоты. Я с детства не люблю людей, переполненных завистью и охотящихся за славой. Поэтому и я, как ты, подумываю перейти на работу с меньшей должностью, но с большим запасом времени.

Кемель, взглянув на жену, сказал:

– Мы с Тураш уже советуемся на этот счет. Она говорит: «Какое бы решение ты ни принял, я с тобой соглашусь. Если захочешь, как Азильхан, уехать в далекую область и работать корреспондентом, я и на это готова».

Турар молча кивнула и улыбнулась. После работы Кемель и Азильхан вместе возвращались на дежурной редакционной машине и наутро той же машиной снова ехали на работу.

Позднее Азильхан Нуршаихов в юбилейных воспоминаниях записал продолжение того душевного вечернего разговора:

«Намерение друга Кемеля воплотилось в жизнь. Уже на следующий год он оставил высокую должность в газете “Социалистік Қазақстан” и перешел на спокойную, свободную по времени работу – стал главным редактором “Вестника” Верховного Совета Казахской ССР. На этом месте он без перерыва проработал семнадцать лет, написал несколько известных книг, осуществил задуманное, обрел незыблемое звание основоположника детективного жанра в казахской литературе», – с гордостью вспоминал он о друге.

Да, как свидетельствовал Азильхан Нуршаихов, в 1960 году Кемеля Токаева пригласили на должность главного редактора «Вестника» Президиума Верховного Совета Казахской ССР. И этот ответственный пост поспособствовал его творчеству. К работе над новым произведением писатель приступал только после длительной и тщательной подготовки. Собирал материалы в архивах МВД и КГБ и глубоко изучал их. Необходимые сведения кропотливо накапливал, читал до рассвета, писал от руки и сам печатал на машинке.

Когда дети спрашивали отца о его неизменном распорядке, он отвечал просто: «Я не могу жить без творческой работы». «А в восемь утра он уже был готов отправиться на службу. Всегда был опрятным и пунктуальным, никто никогда не видел его идущим на работу в мятom костюме или в несвежей рубашке. Презентабельная внешность отца, конечно, была заслугой нашей мамы, которая не уставала приводить в порядок одежду главы семьи и нашу», – с благодарностью и ностальгией вспоминают дети, старавшиеся перенять лучшие навыки своих родителей.

В начале 1960 года семье Токаевых, в которой было четверо детей, выделили небольшую квартиру в двухэтажном доме на тихой, скромной улице имени Амангельды Иманова в пересечении с улицей Тараса Шевченко. Для Касым-Жомарта и его младшего брата Бакытбека, а также сестер Салтанат и Ляли эта небольшая квартира казалась настоящим ханским дворцом. Ведь у них были спальные комнаты и места для занятий, а у родителей вместе с младшенькой Лялей (Қарлығой) – своя спальня. В этом доме подрастали неразлучные птенчики дружной семьи.

Кемель и Турар с особой родительской любовью относились к своему первенцу – Касым-Жомарту, готовые беречь его как зеницу ока. Кемеля радовало, что наследник рода растет в добром здравии, что древо жизни, идущее от предков, продолжает зеленеть и крепнуть. А материнское чувство Турар было наполнено верой в то, что род ее спутника жизни Кемеля будет продолжен, и первенец со временем, по крылатому казахскому выражению, станет сыном-опорой не только для своей семьи, но и для народа.

3. Знаменитая школа № 25

Дома Касым-Жомарта звали просто Жомартом. Его поступление в школу стало первым по-настоящему ответственным этапом в жизни всей семьи. Родители понимали: чтобы сын получил хорошее образование и уверенно вступил в светлое будущее, прежде всего нужно правильно выбрать школу. Посоветовавшись с друзьями и коллегами, они решили отдать его в среднюю школу № 25, располагавшуюся в трехэтажном здании по улице Калинина (ныне – Кабанбай батыра), дом 126. Говорили, что это школа с углубленным изучением иностранных языков и спортивной подготовкой, а требования к знаниям очень высокие. Педагогический коллектив и уровень образования считались одними из лучших в столице. И эта престижная школа находилась всего в нескольких кварталах от их дома, до нее можно было дойти пешком, не пользуясь никаким транспортом – ни трамваем, ни троллейбусом.

Осенью 1960 года, вручив семилетнему Касым-Жомарту портфель и цветы для учителя, родители привели его в первый класс. Но надо заметить, что подготовка к такому ответственному шагу, как начало учебы детей, в семье Кемеля и Турар исподволь начиналась задолго до первого школьного звонка.

В семье с рождением детей укоренилась хорошая традиция читать им перед сном сказки, что расширяло детский словарный запас, воспитывало внимательность, рождало интерес к окружающему миру, формировало теплые отношения в семье. Сами не представляющие своей жизни без книги, Кемель и Турар таким образом с ранних лет приобщали детей к чтению, что сказывалось на их последующей учебе. И дети на всю жизнь запомнили, как у их кроватей отец либо мама рассказывали сказки, и, повзрослев, с теплотой вспоминали свое детство.

Летние каникулы дети чаще всего проводили на родине матери – в селе Аксенгир Коктальского района Алматинской области, у бабушки по материнской линии. Уже будучи взрослым, в своих воспоминаниях Касым-Жомарт писал: «Мама моей матери прожила до 93 лет, сохранив ясный ум и живой взгляд до самого конца. Вся наша семья относилась к почтенной старой женщине с большим уважением: помимо материнской заботы, которой мы все были окружены, она была человеком богатого жизненного опыта и твердого характера. Дом нашей бабушки стал благословенным местом, куда внуки, особенно во время летних каникул, приезжали постоянно. Мы часто бывали в селе Аксенгир, знакомились с сельскими детьми и дружили с ними, привыкали к простой деревенской жизни. Всё это впоследствии принесло мне большую пользу».

Мать радовалась тому, как внимательно Жомарт ее слушает, и рассказывала ему глубокие по смыслу, содержательные истории. Она умела говорить вдумчиво и убедительно. С раннего детства, отправляясь по делам в город, мать брала его с собой. Хотя он каждый день ел свежеприготовленную домашнюю еду, как и любой ребенок, он любил поесть где-нибудь вне дома. Мать это хорошо понимала и обязательно заводила его в пельменную на улице Шевченко. Сама она не ела, с удовольствием наблюдая, как сын с аппетитом уплетает вкусную еду.

Отдавая всё детям и ограничивая себя во всем, самоотверженная мать приучала Жомарта красиво и со вкусом одеваться. Турар не пропускала ни одного родительского собрания своих четверых детей, знала их друзей и одноклассников, а также всех учителей. Она всегда поддерживала старшего сына и с малых лет разговаривала с ним как со взрослым. Радовалась его рассудительности и умению внимательно слушать, незаметно вкладывая в его сознание мысли, которые пригодятся в будущем. «Всегда внимательно смотри вокруг. В любой ситуации будь сдержанным. Что бы ни услышал и ни увидел – учись хорошему, бери для себя полезное. С утра думай, чем займешься днем и вечером. Привыкай быть собранным. Суетливый человек терпит неудачу», – часто говорила она.

«Не хочу никого обидеть, но думаю, что далеко не все матери так же искренне интересовались учебной работой своих детей. Что касается нашей мамы, то она считала нужным знать всё до мельчайших подробностей. Хорошо владела ситуацией в том, что касается наших детских шалостей, юношеских радостей и переживаний. Другими словами, никаких секретов от мамы не было. Она всецело жила нашей жизнью, а мы, ее дети, были неотъемлемой частью ее жизни», – писал уже взрослый Касым-Жомарт.

Так мать оказала неизмеримое влияние на формирование его мировоззрения. Образованная мать – образованное потомство. Благородство передается потомкам с кровью отца и с молоком матери. Одним из самых ценных качеств в характере нашего народа является именно «тектілік» – что значит не только благородное происхождение, но и человеческое достоинство, благородство воспитания.

Одно событие из детства особенно запомнилось Касым-Жомарту: встреча нового, 1962 года, когда он учился во втором классе. 12 апреля 1961 года, навсегда вошедшего в историю, с Байконура, с казахской земли, впервые в космос полетел человек. Это был гражданин Советского Союза Юрий Алексеевич Гагарин. В августе того же года в космос отправился другой человек. Свои детские впечатления от этих удивительных событий Касым-Жомарт Токаев позже с радостью описывал в своей книге: «Я до сих пор помню, как мы всей семьей праздновали полет второго космонавта Германа Титова. Полеты Юрия Гагарина и Германа Титова весь народ Советского Союза встретил с огромной радостью. Позже полеты в космос перестали удивлять, но тогда о Байконуре безумолчно говорили дикторы, безостановочно писали журналисты. Мы, дети, гордились тем, что он находится в нашем Казахстане. По ночам мы смотрели в небо, надеясь увидеть космический корабль».

Так 1961 год завершился для Советского Союза событием мирового масштаба. Казалось, не осталось недостижимых вершин и недостигнутых успехов. Народ гордился своей Родиной. Именно в те годы казахский поэт Олжас Сулейменов написал поэму «Земля, поклонись человеку!», которую знали чуть ли не наизусть во всем Союзе.

1962 год в доме на улице Амангельды встречали у установленной в квартире нарядной елки. Четверо детей Кемеля – Жомарт, Бакытбек, Салтанат и Карлыга – вместе с мамой украшали ее яркими стеклянными игрушками, разноцветными флажками и веселыми огоньками. Сами они тоже надели маски и костюмы зверюшек. К вечеру накрыли красивый дастархан, и каждый из четырех детей прочитал выученное стихотворение, спел песню, устроив для родителей небольшой новогодний концерт. Отец и мать, растроганные стараниями детей, предложили загадать желания на будущее. Разумеется, им было интересно узнать, о чем мечтают их дети.

И о чем же мог мечтать восьмилетний Жомарт?! Об этом позже вспоминал уже взрослый Касым-Жомарт Токаев, стоявший у руля страны: «Я, ученик вто-

рого класса, не задумываясь, как бы ведомый чьей-то доброй волей, безапелляционно заявил, что в будущем хотел бы много путешествовать и ездить за границу. Родители ничего не сказали в ответ, лишь внимательно посмотрели на меня. Помню, в их глазах было заметно сильное удивление...

Их удивление было вполне объяснимо: в те годы поездка даже в Москву считалась большим событием, не говоря уже о зарубежье. О путешествиях по миру можно было прочесть разве что в фантастических книгах. Так последний день декабря 1961 года словно заложил в сознание восьмилетнего ученика 2 «В» класса предчувствие удивительного будущего, открывая ему неведомую дорогу.

С ранних лет Жомарт умел взвешенно говорить и аккуратно выполнять поручения, и, конечно, родители возлагали на него большие надежды, по своему мечтая о его будущем. Откуда было знать Кемелю и Турар, что их сын Касым-Жомарт действительно достигнет своей мечты, станет дипломатом, объездит мир, займет ответственные посты в Организации Объединенных Наций и станет гордостью своего народа...

Однажды в Алма-Ату приехал Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Милиция перекрыла улицы. Стоял теплый летний день. Жомарт вместе с родителями находился на проспекте Ленина. Дорогу оцепили, и правительственный кортеж должен был проехать в сторону гор. Все взгляды были прикованы к автомобилю «Чайка», в котором ехал советский руководитель. Машина промчалась в одно мгновение. Хотя горожанам так и не удалось лицезреть самого Брежнева, они радовались уже тому, что увидели его автомобиль. Когда кортеж скрылся из глаз, Турар сказала мужу: «Я загадала желание, пусть такая же счастливая судьба не обойдет стороной и нашего Жомарта!» Кемель с одобрением посмотрел на жену, затем перевел задумчивый взгляд на сына, которого держал за руку, и произнес: «Да поможет ему Аллах!» Возможно, именно тогда Всевышний одобрил беззаветное желание матери...

С самого детства отец обучал сына шахматам – не имеющему себе равных искусству мыслить. В семье, где любили книги, увлечение шахматами оказалось естественным. Развивая логическое мышление, дети Кемеля играли дома друг с другом и с отцом. Однажды Касым-Жомарт стал свидетелем того, как отец играл в шахматы с известным в стране писателем. Сначала Кемель уверенно выигрывал, но ближе к концу партии уравнивал позиции и свел игру вничью. Когда сын спросил, почему он не довел партию до победы, отец ответил: «Неуместно было ставить человека, тем более такого известного и уважаемого, в неловкое положение. И так поступать при тебе было бы неправильно». Эти слова стали для Касым-Жомарта большим жизненным уроком, о чем он в более зрелом возрасте записал в своем дневнике.

Многодетная семья жила очень скромно. Мать не работала, занималась воспитанием детей, единственным кормильцем был отец. Мать умела экономить и распределять месячную зарплату отца так, чтобы ее хватало на всё. Дополнительным доходом были гонорары, которые Кемель получал, когда выходили его книги или публиковались статьи. В такие дни он устраивал для семьи праздник: водил всех в ресторан, заказывал угощение, радовал детей их любимыми напитками и блюдом «цыплята табака».

Учеба в средних и старших классах школы № 25 была нелегкой для каждого. В середине 60-х годов в школе начали преподавать иностранные языки – английский и французский. Более того, при самой школе тогда существовала кафедра французского языка. Жомарт выбрал английский, хотя в то время спрос на него был невелик. На юного Жомарта повлияло мамино мнение о том, что это «язык с большим будущим».

В те годы директором школы был известный в Алма-Ате педагог и руководитель Адольф Евсеевич Селицкий. В многонациональном коллективе работали учителя высшей категории, профессионалы своего дела. Сам Адольф Евсеевич не только возглавлял школу, но и преподавал старшеклассникам историю СССР. Его ученики вспоминали: «Он умел оживлять исторические события, увлекать нас и убеждать в их подлинности». Примечательно, что Касым-Жомарт входил в состав редколлегии, которая выпускала школьную стенгазету под названием «Исторические истины».

Учитель русского языка и литературы Анна Борисовна Игдал выделяла Жомарта среди остальных учеников и была уверена, что в будущем он станет сильным журналистом. А о своей учительнице английского языка Розе Борисовне Пономаревой Жомарт писал: «Красивая и обаятельная женщина. Была образцом особого прилежания. Никто и никогда не видел, чтобы она была небрежно одета или ходила с недовольным лицом».

В старших классах Жомарт начал проявлять большой интерес к международным рубрикам в газетах «Известия», «Правда», «Комсомольская правда». По мере взросления он стал читать и такие серьезные издания, как еженедельная газета и ежемесячный журнал «За рубежом».

В те годы международные журналисты в Советском Союзе пользовались особым авторитетом. С 1969 года по телевидению каждое воскресенье выходил еженедельник «Международная панорама», и Касым-Жомарт не пропускал ни одного выпуска. Совершенствуя свой английский, он завел толстую тетрадь, куда записывал сведения о разных странах и английские выражения.

Однажды ему попалась англоязычная газета британских коммунистов «Morning Star». Два дня подряд Жомарт, не отрываясь, переводил ее со словарем. Лексика, конечно, значительно выходила за рамки школьной программы. Но настойчивый и упорный Жомарт сумел перевести газету и понять ее содержание. Это наполнило его безграничной радостью. Мать гордилась его упорством и тем, что он «победил» «Morning Star».

В то время Турар Шабарбаева работала в Алматинском институте иностранных языков. Заметив, что школьного уровня английского сыну уже недостаточно, она обратилась к своему коллеге Александру Сергеевичу Рогачу с просьбой позаниматься с Жомартом. Этот человек до двадцати лет жил в США, а затем вместе с родителями переехал в Советский Союз в поисках «социалистического счастья». Он был весьма авторитетной фигурой в институте. Жомарт, имевший способности к иностранным языкам, с большим интересом и охотой посещал индивидуальные занятия Рогача, быстро пополнял словарный запас и обретал навыки свободной речи на чужом языке.

Усилия самоотверженной матери принесли плоды: любовь к языкам в итоге сделала ее сына личностью мирового масштаба. Таким образом, школа № 25 сыграла особую роль в том, что Жомарт правильно выбрал профессию и жизненный путь.

Прямо напротив школы располагалось Министерство иностранных дел Казахстана. В те годы за школами и учебными заведениями, вплоть до детских садов, закреплялись ведомства-шефы. Опекуном этой школы было именно Министерство иностранных дел, которое оказывало организационную и материальную поддержку. Сотрудники министерства приходили на классные часы и рассказывали о тонкостях своей профессии. Среди учеников школы были дети работников этого ведомства и силовых структур. Более того, сама школа в советское время носила имя Феликса Эдмундовича Дзержинского¹. Аттестаты выпускникам вручали в актовом зале Министерства иностранных дел.

¹ Феликс Эдмундович Дзержинский – председатель ВЧК, Всесоюзного Чрезвычайного Комитета.

Помимо отличия от других городских школ углубленным преподаванием иностранных языков школа имела и ярко выраженный спортивный статус. Другими словами, школа № 25 считалась самой спортивной школой в Казахстане. Для тех, кто собирался связать свое будущее с силовыми структурами, всегда стояли на первом месте физическая подготовка и психологическая выносливость, поэтому занятия самыми разными видами спорта в школе были приоритетными.

Расположенный рядом со школой ведомственный стадион «Динамо» всегда был доступен для учащихся. Уроки физкультуры чаще всего проходили именно там. На стадионе действовали бассейн, секции по легкой атлетике и гимнастике. Вместе с учителями занятия проводили тренеры клуба и известные мастера спорта. Среди многообразия видов спорта Жомарт остановил выбор на настольном теннисе и дошел в этом виде до уровня кандидата в мастера спорта. Со временем он обратился в его хобби. Навыки, полученные от настольного тенниса, формирующего скорость реакции, легкость движений и умение быстро принимать решения, впоследствии пригодились Касым-Жомарту и в дипломатической службе.

Любовь к книгам вдохновила Жомарта на мечту найти свое будущее в журналистике – стать зарубежным корреспондентом крупной газеты. И именно эта мечта привела его в Московский государственный институт международных отношений... Младшие братья и сестры тоже тянулись к книгам. Они не просто читали каждый по-своему, но и обменивались впечатлениями друг с другом. Особенно внимательно отец и мать старались быть в курсе того, что дети читают, и обязательно спрашивали, какие выводы они сделали из прочитанного. В этой связи уместно привести один рассказ писателя и издателя Когабая Сарсекеева:

«В год окончания школы отец подарил Жомарту русскоязычное издание романа “Путь Абая” Мухтара Ауэзова и сказал: “Прочитай, познакомься, а потом поговорим”. Когда сын закончил чтение, отец спросил:

– Ну что, сынок, как, познакомился с романом “Путь Абая”?

Сын ответил, что прочитал и глубоко впечатлен. Тогда отец сказал:

– Расскажи мне не содержание книги, а то, что ты сам из нее вынес. Что ты взял для себя? В этой книге заключена история целой эпохи казахского народа. Что бы ты выделил? Какой образ тебе больше всего понравился?

– Конечно, Абай! – ответил сын.

В итоге отец и сын словно нашли главный стержень романа – это было воспитание. А один из самых впечатляющих моментов в отношениях отца и сына – диалог Кунанбая и Абая.

“– Я давно собирался сказать тебе об этом. В тебе я вижу три изъяна. Послушай, – сказал Кунанбай.

Абай прямо посмотрел на отца:

– Говорите, отец, – и молча стал ждать.

– Во-первых, ты не различаешь дешевое и ценное. Считаешь малозначительным то, что имеешь. Не умеешь ценить. Расточаешь дорогое на праздные развлечения и пустой смех. Ты неглубок! А неглубокую воду лижут и собака, и птица.

Во-вторых, ты не умеешь различать друга и врага. К другу ты не относишься как к другу, к врагу – как к врагу. В тебе не видно скрытого внутреннего стержня. Человек, за которым идут люди, таким быть не может.

В-третьих, ты русофил. И слишком склоняешься в ту сторону. Не учитываешь того, что для них религия и ислам – чуждые понятия”.

Прочитав эти строки, Кемель отложил книгу и продолжил разговор, глядя на сына:

– Мұқаң² – великий классик. Но здесь он поддался методу социалистического реализма. Под влиянием европейской литературы он вводит идеологическое противостояние между отцом и сыном, изображая старое и новое мировоззрения в духе времени...»

Как было сказано выше, Кемель прививал детям навыки к чтению книг и бережно собирал их, как сокровища, а Турар еще в те времена настояла на обучении детей иностранным языкам, особенно английскому, предвидя его важное значение в будущем. Эти своевременно предпринятые родителями шаги не прошли даром. Их главная надежда – Касым-Жомарт – вырос настоящим книголюбом и мечтал стать журналистом-международником, чтобы работать зарубежным корреспондентом крупной газеты.

4. Выбор жизненного пути

Накануне окончания школы, в один из доверительных разговоров отца с сыном, Касым-Жомарт поделился своей мечтой:

– Папа, я хочу поступить в Московский государственный институт международных отношений.

Отец одобрил выбор сына и ответил с большой верой в голосе:

– Сынок, пусть твои устремления будут высокими, как горы! Это единственный вуз во всем Союзе, готовящий международных специалистов. Придется сдавать экзамены по иностранным языкам, но ты не робей! Мама ведь хвалит твой английский. А журналистские способности у тебя в крови! Так что – только вперед, сын мой! Напиши письмо в приемную комиссию института.

В семье Токаевых родители всегда уделяли особое внимание устремлениям детей. Это был их жизненный ориентир, и он был верен. Благодаря такому воспитанию дети находили свой путь, не сбиваясь, и сами формировали свою судьбу.

После совета с отцом Касым-Жомарт впервые в жизни написал официальное заявление. Он подошел к этому с большой ответственностью: начав писать с утра, закончил лишь к вечеру. Тщательно выверив каждое предложение, сын дал прочитать письмо отцу, потом вложил его в белый конверт и отправил в Москву, в МГИМО.

МИД СССР

*Ректору Московского
государственного института
международных отношений*

от абитуриента

Токаева Касым-Жомарта Кемелевича.

Прошу Вас разрешить мне сдать вступительные экзамены для поступления на факультет международных отношений.

В соответствии с правилами представляю следующие документы:

1. Характеристика-рекомендация Алматинского городского комитета Компартии Казахстана;
2. Характеристика-рекомендация Бюро Центрального Комитета ЛКСМ Казахстана;
3. Характеристика-рекомендация педагогического коллектива школы;
4. Рекомендация Министерства иностранных дел Казахской ССР;
5. Медицинская справка формы № 286.

*Ж. Токаев
23.VI.1970 г.*

Полные надежд и сомнений дни остались позади, и спустя две недели в обычный почтовый ящик пришел ответ. Исполнительный секретарь приемной комиссии из Москвы ответил целеустремленному юноше, разъяснив, по каким предметам предстоит сдавать экзамены. В письме указывалось, что экзамены состоятся в июле.

Касым-Жомарт заранее был готов к любой ситуации: «Если я не пройду там, в августе смогу поступить в один из вузов Алма-Аты». Но когда из самого сердца Советского Союза, из самого престижного учебного заведения пришел официальный ответ, вся семья была по-настоящему удивлена. Это письмо стало первой ступенью к высокой вершине, изменившей судьбу пытливого юноши.

Кемель внутренне радовался настойчивости сына и гордился им. Он мечтал, чтобы Жомарт стал известной личностью, достиг больших высот, покорил те вершины, до которых он сам не дошел. Его вера и надежда на него были особенными. Иногда, доверительно беседуя с сыном, он говорил:

– Пусть ты достигнешь того, чего не смог я!

Спустя годы Касым-Жомарт с грустью вспоминает об отце: «В прошлом между нами было много бесед. Вообще, пока отец был жив, он открыл для меня многие тайны своей жизни, но думаю, не меньше осталось и сокровенного, о котором он поведать не успел. Вспоминая наше общение, я сожалею о том, что таких мгновений становилось всё меньше. Не зная толком, что ждет меня в будущем, я уехал в Москву и только во время каникул приезжал в Алма-Ату к родителям. После завершения учебы началась моя кочевая жизнь по зарубежным странам, поэтому наши беседы становились все реже и реже...»

Родители всецело доверяли своему сыну. Поэтому они отправили Касым-Жомарта учиться в Москву одного. Для сегодняшней молодежи это – поистине достойный пример. Семнадцатилетний юноша, не видевший до того ни одного большого города, кроме Алма-Аты, и не бывавший в дальних поездках, прилетел на самолете Ту-134 в аэропорт Домодедово под Москвой. Город встретил его довольно неприветливо, серым, затянутым тучами небом. Конечно, в Москве юношу никто не встречал, и это заставляло его быть ответственным за всё самому. С большим черным чемоданом в руке он полтора часа добирался электричкой до Павелецкого вокзала, затем спустился в метро и направился по адресу, который дал отец. Там его ждал близкий друг и уважаемый коллега Кемеля. Как говорится, мир не без добрых людей. Так начался московский этап судьбы Касым-Жомарта.

Перевод с казахского Раушан БАЙГУЖАЕВОЙ

Окончание в № 7, 2026.

